Ирвинг Бачеллер

ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Роман о пионерах и рождении американской демократии

Ирвинг Бачеллер

Человек на все времена. Роман о пионерах и рождении американской демократии

«Автор»
2026

Бачеллер И.

Человек на все времена. Роман о пионерах и рождении американской демократии / И. Бачеллер — «Автор», 2026

Роман «Человек на все времена» — это глубокая летопись эпохи американского Фронтира 1830–1840-х годов. На страницах книги оживает суровый и романтический мир первых переселенцев, чья жизнь строилась на честном труде, взаимовыручке и крепкой общинной вере. В центре повествования — судьба семьи Трейлоров, проделавших долгий путь из Вермонта в прерии Иллинойса, и их молодого соседа, деревенского лавочника, сплавщика и будущего президента США — Авраама Линкольна. Бачеллер мастерски сочетает архивные свидетельства с художественным вымыслом, рисуя образ простого, сильного духом человека, в котором воплотились лучшие черты нарождающейся нации. Роман сочетает в себе приключения и проникновенное исследование семейных отношений, воплощенное в жизнерадостном духе Самсона и трудностях, с которыми они сталкиваются, строя новую жизнь, и все это предвещает более масштабную историческую повесть, переплетенную с наследием Линкольна. Книга дополнена материалами о быте пионеров и хронике эпохи.

© Бачеллер И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие переводчика 5
Исторический контекст и замысел автора 6
молодой, неотесанный, но глубоко мыслительный деревенский сплавщик и лавочник; 7
Особенности художественного языка и перевода 8
Главные и второстепенные персонажи 9
Главные персонажи 10
Самсон Генри Трейлор 11
Сара Трейлор 12
Гарри Нидлз 13
Бим Келсо 14
Второстепенные и исторические персонажи 15
География романа 16
1. Исходная точка: Вермонт (Новая Англия) 18
2. Путь переселенцев: Дороги и водные артерии 19
3. Главное место событий: Нью-Салем (штат Иллинойс) 20
4. Политика и рост: Спрингфилд (штат Иллинойс) 21
5. Разлом эпохи: Рабовладельческий Юг и Сент-Луис (Миссури) 22
Атмосфера романа 23
1. Суровый романтизм Фронтира 24
2. Теплота, общинность и взаимовыручка 25
3. Народный юмор и живой фольклор 26
4. Духовный подъём и гражданский пафос 27
5. Элегическая ностальгия 28
Человек на все времена 29
Книга первая 31
Глава II 42
Глава III 48
Глава IV 55
Глава V 61
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Ирвинг Бачеллер
Человек на все времена. Роман о пионерах и рождении американской демократии

Предисловие переводчика

Роман Ирвинга Бачеллера «Человек на все времена: История строителей демократии» — это не просто художественное жизнеописание одного из самых почитаемых американских президентов, Авраама Линкольна. Это масштабная эпическая панорама эпохи, когда на суровых и диких просторах американского Фронтира закладывались основы современного демократического общества.

Исторический контекст и замысел автора

Ирвинг Бачеллер (1859–1950), известный американский журналист и писатель-романист, принадлежал к числу авторов, для которых историческая правда была неотделима от живого народного духа. Написанный в 1919 году, роман стал данью уважения поколению пионеров и освоителей американского Запада.

В центре повествования — молодые годы Авраама Линкольна, его становление в Нью-Салеме и Спрингфилде (штат Иллинойс). Однако Бачеллер отказывается от монументального, «бронзового» портрета великого политика. Перед читателем встает совсем другой Линкольн:

молодой, неотесанный, но глубоко мыслительный деревенский сплавщик и лавочник; человек с невероятным чувством юмора и трагической судьбой;

верный друг, обладающий феноменальной честностью и физической силой, за которую его уважали и наемные рабочие, и суровые поселенцы.

Параллельно с историей Линкольна автор рассказывает трогательную и драматичную историю семьи Трейлоров, проделавших нелегкий путь из Вермонта в прерии Иллинойса, воплощая в себе образ сотен тысяч безымянных «строителей демократии».

Особенности художественного языка и перевода

Работая над русскоязычным текстом романа, переводчик столкнулся с несколькими важными задачами:

Сохранение колорита и диалектов. Речь персонажей романа пестрит диалектизмами того времени, народными поговорками, архаизмами и специфическим юмором американских поселенцев XIX века. Важно было передать эту живую, несовершенную, но искреннюю и поэтичную речь, не превращая её при этом в искусственный стилизованный жаргон.

Передача исторической терминологии. В тексте активно используются понятия, связанные с бытом пионеров, устройством местных общин, судами и первыми политическими институтами США. Для удобства читателя наиболее специфические термины и исторические ссылки снабжены краткими примечаниями.

Смысловой нюанс названия. Название «Человек на все времена» отсылает к знаменитой фразе военного министра Эдвина Стэнтона, произнесенной у одра умирающего Линкольна: «Теперь он принадлежит вечности». Заголовок «Человек на все времена» в сочетании с подзаголовком подчеркивает универсальность моральных принципов Линкольна, актуальных для любой эпохи и любой страны, где ценятся свобода, достоинство и человечность.

Почему этот роман важен сегодня?

«Человек на все времена» — это история о том, как из хаоса, тяжелого физического труда, социальных противоречий и борьбы с несправедливостью рождается истинная гражданская ответственность. Линкольн Бачеллера — это не мессия, а человек, сделавший себя сам, чей главный секрет заключался в эмпатии, непреклонной верности правде и глубоком уважении к каждому человеку.

Надеемся, что настоящая книга позволит русскоязычному читателю не только перенестись в романтическую и суровую эпоху освоения Дикого Запада, но и по-новому взглянуть на истоки американской демократии и личность одного из её главных архитекторов.

Главные и второстепенные персонажи

В романе Ирвинга Бачеллера «Человек на все времена: История строителей демократии» сюжетообразующая система персонажей объединяет реальные исторические фигуры эпохи становления США и вымышленных героев — пионеров Фронтира.

Главные персонажи
Авраам Линкольн

Роль в романе: Центральный исторический и духовный герой.

Характеристика: В начале романа — молодой, внешне нескладный, но необыкновенно сильный сплавщик плотов, лавочник и начинающий юрист из Нью-Салема (Иллинойс). Бачеллер показывает его жизненный путь от простого деревенского интеллектуала до выдающегося государственного деятеля и борца за единение нации.

Самсон Генри Трейлор

Роль в романе: Вымышленный главный герой, олицетворяющий идеального «строителя демократии».

Характеристика: Фермер и искусный мастер из Вермонта, обладающий огромной физической силой, добротой, народным юмором и крепкими моральными устоями. Вместе с семьёй отправляется на Запад и становится одним из близких друзей, соратников и советников молодого Линкольна.

Сара Трейлор

Роль в романе: Жена Самсона Трейлора.

Характеристика: Мудрая, терпеливая и самоотверженная женщина, хранительница домашнего очага, разделяющая с мужем все суровые испытания переезда на Фронтир и обустройства на новых землях.

Гарри Нидлз

Роль в романе: Юный воспитанник Самсона и Сары, один из главных героев любовной линии романа.

Характеристика: Осиротевший юноша, которого Трейлоры принимают в свою семью. Взрослеет под влиянием Самсона и Линкольна, участвует в общественной жизни и проходит путь становления честного и мужественного гражданина.

Бим Келсо

Роль в романе: Главная героиня романтической линии, возлюбленная Гарри Нидлза.

Характеристика: Дочь местного мудреца и философа Джека Келсо. Яркая, независимая, своенравная и привлекательная девушка, чей жизненный выбор и испытания занимают важное место в сюжете.

Второстепенные и исторические персонажи

Джозайя (Джо) Трейлор: Сын Самсона и Сары. Его воспоминания образуют заключительную, двадцать пятую главу романа; вступительное письмо обращено к нему его внуком.

Бетси Трейлор: Маленькая дочь Самсона и Сары Трейлор.

Энн Ратледж: Исторический персонаж; первая и трагическая любовь молодого Авраама Линкольна, чья ранняя смерть оставляет глубокий след в его душе.

Джек Келсо: Отец Бим Келсо; колоритный деревенский философ, любитель Шекспира, поэзии и рыбной ловли, оказавший большое интеллектуальное влияние на молодого Линкольна.

Лайонел Дэвис: Один из антагонистов романа; скользкий авантюрист и спекулянт, вступающий в конфликт с Самсоном Трейлором и Линкольном.

Джон Макнил: Историческая фигура; торговец из Нью-Салема, жених Энн Ратледж, уехавший на Восток и заставивший её долго ждать.

Уильям (Билл) Берри: Исторический персонаж; непутёвый компаньон Линкольна по деревенской лавке в Нью-Салеме.

Генри Бримстед: Эксцентричный изобретатель и переселенец, друг семьи Трейлоров.

Элифалет Биггс: Заносчивый плантатор с Юга, олицетворяющий рабовладельческий уклад и социальное расслоение эпохи.

География романа

Географический обзор романа Ирвинга Бачеллера «Человек на все времена: История строителей демократии», посвящённый местам действия и пути переселенцев в 1831 году.

География романа охватывает ключевой исторический маршрут переселенцев того времени: от старых восточных штатов (Новая Англия) через реки и Великие озёра прямо в сердце Дикого Запада — прерии штата Иллинойс.

1. Исходная точка: Вермонт (Новая Англия)

Штат: Вермонт (на крайнем северо-востоке США).

Значение: Родной край семьи Трейлоров. Это каменистые, суровые, но освоенные земли с вековыми пуританскими традициями.

Сюжетная роль: Символизирует «старый мир» и устоявшийся уклад жизни. Отсюда Самсон Трейлор и его семья отправляются на запад в поиске новых возможностей и плодородной земли, олицетворяя дух первых американских пионеров.

2. Путь переселенцев: Дороги и водные артерии

Маршрут: В 1831 году семья Трейлоров отправляется из окрестностей Вердженса в Вермонте через Адирондакские горы к Ютике, затем через западную часть штата Нью-Йорк к Ниагаре и Буффало, далее вдоль южного берега озера Эри через Огайо и Индиану в Иллинойс.

Локации:

Канал Эри: Важная транспортная артерия эпохи. Герои видят канал возле Ютики и наблюдают за баржами, которые тянут с берега лошади и мулы. Семья едет в собственной повозке; плавание Трейлоров по каналу в романе не описано.

Буффало и озеро Эри: В Буффало семья присутствует на праздновании Четвёртого июля, затем следует по Приозёрной дороге через Силвер-Крик, Дюнкерк и Эри. Дальнейший путь проходит через болотистые низины Огайо и Индианы.

Сюжетная роль: Дорожные испытания, встречи с авантюристами, индейцами и другими переселенцами подчёркивают трудность и романтику освоения диких территорий.

3. Главное место событий: Нью-Салем (штат Иллинойс)

Регион: Центральный Иллинойс, округ Сангамон.

Природный ландшафт: Долина реки Сангамон, живописные прерии, дубовые рощи и неизведанные дикие земли.

Значение: Маленький бревенчатый посёлок пионеров, в котором перекрещиваются судьбы всех главных героев.

Сюжетная роль:

Здесь Авраам Линкольн проходит своё ключевое становление: работает сплавщиком, приказчиком в лавке, почтмейстером, землемером и начинает изучать право.

Нью-Салем показан Бачеллером как идеальное микрокосмическое воплощение «лаборатории демократии» — места, где люди разных сословий и происхождения вместе строят общину с нуля.

4. Политика и рост: Спрингфилд (штат Иллинойс)

Статус: Будущая столица Иллинойса. Решение о переносе столицы из Вандалии принято в 1837 году при активном участии Линкольна; правительство штата начало работать в Спрингфилде в 1839 году.

Сюжетная роль: Символизирует переход героической эпохи первопроходцев к этапу институционального и правового развития общества. Именно сюда перемещается Линкольн, чтобы начать полноценную юридическую и политическую карьеру в ассамблее штата.

5. Разлом эпохи: Рабовладельческий Юг и Сент-Луис (Миссури)

Регион: Граница с рабовладельческими штатами Юга (Миссури, Кентукки).

Локации: Сент-Луис — крупный торговый узел на реке Миссисипи.

Сюжетная роль: Сент-Луис связан с рабовладельческим миром и судьбой Бим Келсо. Её рассказы о насилии, продаже людей и жизни рабов в Сент-Луисе и Новом Орлеане усиливают нравственный конфликт романа. Не все эти события герои видят лично: важную роль играют свидетельства Бим и беглых рабов.

Итог: Географическая карта романа — это не просто декорация, а полноценный двигатель сюжета. Она наглядно демонстрирует, как географическое расширение США формировало новый национальный характер и закладывало основы современной демократии.

Атмосфера романа

Атмосфера романа Ирвинга Бачеллера «Человек на все времена: История строителей демократии» — это поэтическая, суровая и одновременно глубоко душевная реконструкция эпохи освоения американского Фронтира 1830–1840-х годов.

1. Суровый романтизм Фронтира

Атмосфера пропитана духом первопроходцев и необжитых пространств. Бачеллер мастерски воссоздает физическое ощущение жизни на краю цивилизации:

Запах дикой природы и труда: Бесконечные прерии Иллинойса, дым бревенчатых хижин, запах свежесрубленного леса, стук кузнечного молота Самсона Трейлора и шумящие воды реки Сангамон.

Суровость быта: Тяжелейший ежедневный физический труд, суровые зимы, эпидемии, отсутствие элементарных удобств и постоянное противостояние природным стихиям.

2. Теплота, общинность и взаимовыручка

Несмотря на тяжелые условия, книга пронизана удивительным светом и человеческим теплом:

Коллективный дух: Атмосфера Нью-Салема — это мир, где соседи вместе строят дома, делят последнюю пайку хлеба, ухаживают за больными и сообща защищают свой уклад.

Уют у очага: Вечерние посиделки в деревенских лавках и у камина семьи Трейлоров, где за простым ужином ведутся разговоры о философии, политике, поэзии и будущем страны.

3. Народный юмор и живой фольклор

Атмосфера романа не была бы полной без самобытного американского юмора:

Самоирония и байки: Жители Фронтира встречают трудности с улыбкой, разыгрывают друг друга, соревнуются в баснях, анекдотах и силовых состязаниях.

Линкольновское остроумие: Добродушные, но меткие шутки и притчи молодого Авраама Линкольна разряжают даже самые напряженные ситуации и задают особый, легкий тон повествованию.

4. Духовный подъём и гражданский пафос

В романе ощущается витающее в воздухе предчувствие великих исторических перемен:

Лаборатория свободы: Нью-Салем показан как место, где на практике рождаются равенство и гражданское самосознание. Любой человек, независимо от происхождения, оценивается по его честности, труду и уму.

Нравственная чистота: Честность, верность слову, защита слабых и уважение к человеческому достоинству составляют моральный каркас всей атмосферы книги.

5. Элегическая ностальгия

В тексте присутствуют мягкие ноты светлой грусти:

Уходящая эпоха: Автор с нежностью оглядывается на наивный, чистый и героический период юности нации, понимая, что этот романтический деревянный мир Нью-Салема вскоре уступит место бурному веку индустриализации и суровым испытаниям Гражданской войны.

Личные трагедии: Романтика юности и первой любви (линия Авраама Линкольна и Энн Ратледж, судьба Гарри и Бим) переплетается с трагическими утратами, придающими атмосфере глубину и драматизм.

Итог: Атмосфера романа — это гармоничный сплав суровой романтики Дикого Запада, теплоты человеческого общения, искрометного народного юмора и высокого искреннего патриотизма.

Человек на все времена

Моему дорогому другу и товарищу Александру Гроссету посвящаю эту книгу в знак глубокого уважения.

Собственность — плод труда; владеть ею желательно, и она представляет собой несомненное благо. То, что одни богаты, показывает другим, что и они могут разбогатеть, и тем самым поощряет трудолюбие и предприимчивость. Пусть бездомный не разрушает чужого дома, а усердно трудится и строит собственный, своим примером утверждая, что и его дом, когда он будет построен, останется неприкосновенным.

Авраам Линкольн. 21 марта 1864 года.

Письмо

Престарелому и достопочтенному Джозайе Трейлору от его внука, солдата во Франции. Здесь вкратце изложены замысел этой повести и то, что вдохновило её автора.

Франция, 10 сентября 1915 года.

Дорогой дедушка!

Вот и мне наконец досталось. Я удирал к звёздам, словно заяц от лающих борзых, когда меня догнала шрапнель. Она чихнула на мою бедную машину и швырнула в меня всякого железного хлама, будто я какая-нибудь корзина для мусора. Видно, ей надоело таскать свой груз и захотелось переложить его на меня. Это ей вполне удалось, но машину я всё-таки довёл домой. С тех пор из меня вытаскивают грузила и рыболовные крючки, годные разве что для глубоководной ловли. Не тревожься, я быстро поправляюсь. В футбол мне больше не играть; не увидишь ты уже и того, как я подаю кручёные мячи и бегаю от базы к базе. Теперь я сам буду сидеть на трибуне. Меня станет поменьше, зато оболочка у моей души всё равно останется вполне приличная. Пока я лежу на спине и больше ничего не могу делать, я передумал уйму всякого. Удивительно, как шустро начинает работать голова, когда тело словно опрокинутая машина валяется в канаве. До этого происшествия мой ум был не более чем смутным слухом. В колледже до меня порой доходили кое-какие известия о нём, и я надеялся, что однажды он сам меня разыщет и спросит, чем может быть полезен. Но этого не случалось. Теперь я почти готов усомниться, есть ли у меня тело: беднягу подняли на домкратах в этой огромной ремонтной мастерской. Зато мой скромный ум носится по всему свету и обратно и следит за каждым движением здешних высококлассных механиков с блестящими инструментами и в белых фартуках. Мы с ним как будто познакомились, и я начинаю к нему привязываться. Он у меня довольно деятельный и многообещающий молодой ум; пожалуй, я даже попробую найти для него постоянное место в своём деле.

Я думал о нашей демократии и о том, как приехал сюда, чтобы меня бросили в этот огромный банк, словно моя жизнь — мелкая монетка. Думал о дорогих старых днях и больше всего о том, как чудесная история твоей жизни вплелась в мою — нитями мудрости, приключений, юмора и любви. Мне нравится распутывать эту ткань и рассматривать её краски. Линкольн — самая прочная и длинная нить в ней. Я часто вспоминаю, как ты описывал его большие ласковые руки, поднимавшие тебя, мальчишку, к нему на плечо, его забавные и добрые слова. Я смеялся и плакал, вспоминая часы, проведённые тобой с Джеком Келсо, доктором Джоном Алленом и нескладным молодым великаном Эйбом, о которых ты так часто рассказывал нам зимними вечерами у огня. Но лучше всего я помню свет твоей собственной мудрости, озарявший эту историю, помню, как в словах Линкольна ты находил предсказание великой борьбы, которая теперь началась. С тех пор как я стал посылать своё воображение в стремительные далёкие полёты по прошлому, мне удалось вспомнить твои слова в точности:

«Линкольн говорил, что дом, разделившийся в самом себе, должен рухнуть, что наша страна не может существовать наполовину рабовладельческой, наполовину свободной. И это

было правдой. С тех пор мир стал невероятно мал. Народы земли оказались под одной крышей, и дела каждого теперь касаются всех. Пока на германском престоле сидит тщеславный, хвастливый и бессовестный выродок, этот дом, пожалуй, останется разделённым в самом себе. Боюсь, впереди такая борьба между рабством и свободой, какой мир ещё не знал. Она будет кровавой, но в её исходе сомневаться не приходится, потому что сторонники свободы — дети света, и их много. Они положат на её алтарь всё, что имеют. Они окажутся неподготовленными и какое-то время будут терпеть тяжёлые удары, но их запасы материальных и нравственных сил, которые выразятся в готовности к жертве, не поддаются исчислению. Только тот, чья жизнь охватывает огромный путь от Эндрю Джексона до Вудро Вильсона, кто, подобно мне, стоял рядом с Линкольном в его одинокой башне и семьдесят лет следил за приливами и отливами истории, способен в полной мере понять опасности, грозящие демократии, и силы, которыми она располагает».

Всё это и многое другое из сказанного тобой, дорогой дедушка, помогло мне понять великую, грохочущую драму, участником которой я стал. Помогло вынести её опасности и горькие поражения. Именно ты с самого начала ясно увидел, что это последняя схватка между рабством и свободой, что великий Божий дом пытается очиститься, и ты посоветовал мне отправиться в Канаду и записаться добровольцем. За это я тоже благодарен тебе. Мои раны дороги мне, потому что благодаря тебе я знаю: они получены в правом деле, в борьбе не за интересы Великобритании, Франции или России, а за человечество. Странно, что среди людей, сражающихся вместе со мной, я встретил лишь одного или двух, кто, по-видимому, понимает всю правду об этой войне.

Теперь перейду к сути письма. Я хочу и тебя призвать на службу человечеству, только ран она тебе не принесёт. Когда я вернусь домой — а я вернусь, как только меня достаточно подлатают, — мы должны приняться за историю твоей жизни, чтобы каждый желающий мог узнать её так, как знаю я. Давай возьмёмся за неё, соберём все дневники, которые вели вы с твоим отцом, призовём на помощь твою память и впервые покажем миру сердце и душу Линкольна во всей полноте. Я прочёл все его биографии и все рассказы о нём, но без твоей истории он так и остался бы для меня чужим. После этой войны, если я не ошибаюсь, демократией заинтересуются все. Она станет главной темой. Ты говоришь, что мы скоро вступим в борьбу и склоним чашу весов. Что ж, тогда нам придётся показать такую быстроту подготовки и такую силу на поле боя, что мир изумится. А когда всё кончится, он захочет узнать, как возникла наша могучая демократия. Одно имя — Линкольн — на фоне твоей истории, особенно на её фоне, ведь беда всех биографий в том, что этого фона им недостаёт, — будет, мне кажется, лучшим ответом, какой мы можем дать. Конечно, есть и другие ответы. Но в наши дни мало кто осмеливается сомневаться, что Линкольн — величайший поборник демократии со времён Иисуса Христа; поэтому, если мы сумеем передать миру то, что знаешь ты, то сделаем доброе дело. К тому же широкая публика, которую мы с тобой хотели бы, по мере сил, просветить, не читает ни биографий, ни истории, разве что по школьному принуждению. Так давай просто попробуем рассказать эту волнующую историю, как ты рассказывал её мне, — и пусть Линкольн то пересекает сцену своим широким шагом, то выходит на середину, как это бывало в твоих воспоминаниях. Тогда читатели сами того не замечая познакомятся с этим великаном демократии.

Долг зовёт. Что ты ответишь? Пожалуйста, пришли телеграмму. А я пока ещё подумаю обо всём этом. Передай мою любовь всей семье.

Твой любящий внук Р. Л.

Книга первая

Глава I

В которой описывается путешествие Самсона Генри Трейлора, его жены, двоих детей и их пса Самбо через адирондакские леса в 1831 году по дороге в страну изобилия, а в особенности их приключения в Медвежьей долине и в стране, где нет Санта-Клауса. Кроме того, здесь рассказывается о том, как Бримстедов намылили и как поймали медведя под вуалью.

В начале лета 1831 года Самсон Трейлор с женой Сарой и двумя детьми покинули свой старый дом неподалёку от городка Вердженс в Вермонте и отправились навстречу заходящему солнцу. Они везли четыре стула, доску для теста и скалку, перину и одеяла, маленькое зеркало, сковороду, топор, заплечную корзину с накладкой из толстой подошвенной кожи, ведро для воды, ящик с посудой, кадку солёной свинины, ружьё, чайник, мешок кукурузной муки, кое-какие съестные припасы и скрипку. Всё это было уложено в большую четырёхколёсную повозку, запряжённую волами. Приятно отметить, что скрипка у них была и расставаться с нею они не собирались. Читателю не следует упускать из виду исторический смысл этого обстоятельства. Прежде чем скрипка могла войти в дом янки, его должен был покинуть суровый, непримиримый дух пуританства. Юмор и любовь к забавам пришли раньше и расчистили ей дорогу. Где была скрипка, там были и весёлые сердца. Молодой чёрный пастуший пёс с рыжими подпалинами, по кличке Самбо, то бежал за повозкой, то обследовал придорожные поля и леса.

Если бы мы побывали в воскресенье в конгрегационалистской церкви, то услышали бы, как после службы священник говорил Самсону: трудно понять, отчего самая счастливая и любимая всеми семья в приходе покидает родной дом ради далёкого нового края, о котором почти ничего не известно. Мы услышали бы и ответ Самсона:

— Здесь уж больно легко быть счастливым. Катишь себе по той же старой колее, по которой наши отцы ехали из Вердженса в рай. Работаем, веселимся, ходим на молитвенные собрания, кладём бумажку в ящик для пожертвований, стареем, становимся узкими, скупыми и злыми, а потом возносимся во славе и превращаемся в святых и ангелов. Может, ничего лучше с нами и случиться не может, но мы с Сарой подумали: а не попробовать ли отправиться из другого места и добраться до небес другой дорогой?

И тут мы увидели бы, как лицо священника стало серьёзным и тревожным.

— Самсон, не надо сокрушать столпы этого храма, — сказал он.

— Нет, он слишком много для меня сделал. Я даже недостатки его люблю. Но нас позвали, и мы должны идти. На Западе растёт великая держава. Мы хотим её увидеть и помочь её строить.

Общение с этими янки научило священника понимать шутку. Много лет спустя в своей автобиографии он рассказал, какое глубокое впечатление произвели на него слова Самсона. Тогда он ответил:

— Подумайте и о нас. Не знаю, как мы обойдёмся на наших вечеринках без ваших шуток и без музыки вашего смеха. Вы ведь не только лучший борец в приходе, но и смеяться умеете искуснее и звучнее всех.

— Да, мы с Сарой привыкли смеяться. Пожалуй, нам не помешает немного горя, чтобы не слишком заносились. Но найдутся у вас и другие весельчаки. Семена здесь посеяны, а почва подходящая.

Самсон знал много забавных историй и умел их рассказывать. Сердце у него было такое же весёлое, как «Рыбацкий хорнпайп». Он любил говорить, что завёл скрипку себе в помощь: смеяться приходилось столько, что голос уже не выдерживал.

Сара и Самсон выросли на соседних фермах возле городка. Учился он мало, но обладал живым умом и добрыми наклонностями. У Сары были зажиточные родственники в Бостоне, и ей посчастливилось целый год проучиться в этом городе. Она была хорошенькой девушкой с редкими для того времени и места вкусом и утончённостью. Её руки добивались многие видные молодые люди, но ей больше всех нравился большой, властный, добродушный и смешливый Самсон, при всей его неотёсанности. Разумеется, в её руках это бревно подверглось некоторой обтёске и шлифовке, а мысли его она мягко направила по новым, приятным путям. Сарин дядя Роджерс из Бостона снабжал их лучшими книгами и журналами того времени. Они с большим удовольствием читали их друг другу вслух. Более того, они помнили прочитанное, дорожили им и размышляли над ним.

Взглянем на них в ту минуту, когда они медленно выезжают из родного городка. Над повозкой на дугах из гикори натянут брезентовый полог. Они сидят впереди, на высоком сиденье, откуда видны волы. По лицу женщины текут слёзы. Мужчина склонил голову. Локти его упираются в колени; рукоять погонялки из гикори лежит поперёк бёдер, ремень — у ног. Кажется, он смотрит на сапоги, в голенища которых заправлены штаны. Это крепкий светловолосый бородач с добрыми голубыми глазами и довольно крупным носом. Голова и плечи Самсона Трейлора дышат могучей силой. Ширина спины, величина рук и запястий, цвет лица — всё выдаёт в нём силача. Только эта задумчивая, печальная поза и позволяет заметить его волнение. Через несколько минут он принимается насвистывать весёлую песенку.

Мальчик Джозайя, которого дома зовут просто Джо, сидит рядом с матерью. Это стройный ребёнок с милым лицом. Он с тревожной нежностью смотрит на неё снизу вверх. Девочка Бетси сидит между братом и отцом. В тот вечер они остановились у старого друга, жившего в нескольких милях к северу по пыльной дороге.

— А вот и мы! Едем на Запад! — крикнул Самсон человеку на крыльце.

Он спрыгнул на землю и помог семье выбраться из повозки.

— Проходите в дом, я позабочусь о волах, — сказал хозяин.

Самсон направился к дому, подхватив девочку под одну мышку, а мальчика под другую. На пороге их радушно встретила женщина с приятным лицом.

— Бедняга вы наш! Заходите скорее, — сказала она.

— Бедняга? Да я самый богатый человек на свете! — ответил он. — Вы только взгляните, какое золото у девочки на голове! И кудрявое, и чистейшей пробы — лучше не бывает. Это Бетси, моя маленькая игрушечная женщина. Семь с половиной лет от роду, глаза голубые; каждый день помогает матери уставать. А вот мой игрушечный мужчина Джозайя. Волосы каштановые и глаза карие, как у Сары. Сердце золотое, тоже матери помогает. Ему шесть раз по одному году.

— Какие хорошенькие личики! — сказала женщина и, наклонившись, поцеловала обоих.

— Да, мэм. Получили у фей, — продолжал Самсон. — У них для маленьких людей головы всякие найдутся. А красят они их, наверно, кровью роз, золотом лютиков и синевой фиалок. А вот моя жена. Она богаче меня: мы все ей принадлежим. Мы её рабы.

— Выглядит такой же молодой, как в день свадьбы девять лет назад, — сказала хозяйка.

— Совершенно верно! — воскликнул Самсон. — Прямая, как стрела, и гордая! Я её не виню. Есть ей чем гордиться, это уж я вам говорю. Всякий раз, как загляну в её большие карие глаза, снова влюбляюсь.

На разговоры и смех в дом прибежал пёс.

— А это Самбо, наш походный спутник, — сказал Самсон. — Он любит нас всех, но частенько жалеет: ведь мы не способны постичь радость закопанной кости и запаха столба свободы или воротного столбика.

Вечер со старыми друзьями прошёл весело, ночь — спокойно, и вскоре после рассвета путешественники снова тронулись в путь. У Берлингтона они переправились через озеро на пароме и дальше поехали через горы и густые леса по дороге на Шатоге.

С той поры, как отцы-пилигримы высадились между безмерными водами и бездорожной глушью, их самих и их потомков окружал зов неведомого. Воображение молодых он наполнял золотым мерцанием надежды. Жажда приключений, желание исследовать тёмный, полный опасных обитателей и прекрасный лес, мечта о плодородных солнечных землях за ним, пересечённых реками, окаймлённых серебром и усыпанных золотом, — вот единственное наследство, которое они передавали сыновьям и дочерям, кроме силы и мужества первопроходцев. Как правдива была эта мечта, обраставшая всё новыми подробностями и становившаяся всё заманчивее, когда переходила от отца к сыну! Далеко на западных равнинах лежали земли прекраснее и плодороднее всего, что им грезилось; а в горах ещё дальше было столько золота, что им можно было позолотить небесный свод, как это делало по вечерам солнце, и столько серебра, что хватило бы и на вполне приличную луну. Однако многим поколениям не суждено было ни увидеть, ни коснуться этих сокровищ. Им оставалось лишь немного отодвигать границу поселений на запад, хранить свою мечту и передавать её детям.

Первые десятилетия девятнадцатого века принесли первые дни её осуществления. Древняя мечта жила в сердцах Самсона и Сары Трейлор, когда они впервые обратились лицом к Западу. Много лет Сара сопротивлялась ей, думая о трудностях и опасностях, подстерегающих переселенца. О Самсоне, которому в ту пору, когда он покинул родной дом, было двадцать девять лет, говорили: «Всё гоняется за журавлём в небе». Он никогда не довольствовался синицей в руках. Кое-кто из друзей обещал приехать к ним, когда они наконец найдут страну изобилия. Но большинство провожавших считало затею неразумной и после их отъезда отзывалось о Самсоне насмешливо.

Америка недооценила отважных людей, уходивших на Запад в повозках: без их высокого мужества и стойкости равнины до сих пор оставались бы невспаханной пустыней. Их нередко изображают оборванными, беспутными мечтателями, не сумевшими прокормиться у себя дома. Между тем в большинстве своём они были лучшей кровью мира и благороднейшими Божьими посланниками. Разве не заслуживают они большего почтения, чем бережливые, любящие удобства мужчины и женщины, которые предпочли остаться дома, где риска было мало, пищи — вдоволь и где дружба и вера всегда были готовы принести утешение? Самсон и Сара предпочли вступить в ряды бойцов и занять место на передовой линии цивилизации. Они прочли небольшую книгу «Край Сангамона». На языке потаватоми это слово означало «страна изобилия». Так называлась река в Иллинойсе, орошавшая «бескрайние цветущие луга несравненной красоты и плодородия, окаймлённые лесом, благословлённые тенистыми рощами, изобилующие дичью и большей частью ровные, без единой коряги или камня, способных досадить пахарю». Туда они и направлялись, чтобы приобрести участок казённой земли.

В Малоуне, городке округа Франклин в штате Нью-Йорк, они остановились погостить у старых друзей — Элайши Говарда и его жены. Там они обменяли волов на пару лошадей. Это были крупные серые кони по имени Пит и Полковник. Второй был упитан и добродушен. Главный его интерес в жизни составляла еда. Пит же постоянно высматривал и корм, и опасность. Полковник шёл слева в упряжке. Иногда Самсон набрасывал ему на спину овчину, усаживал сверху мальчика и шагал рядом, так близко, что мог в любой миг дотянуться до левой ноги Джо. Малышу это доставляло огромное удовольствие.

Теперь они ехали быстрее к краю Блэк-Ривер. По пути, в Кантоне, снова задержались, чтобы навестить капитана Муди и Сайласа Райта: оба когда-то преподавали в Вердженсе.

Дальше путь лежал через Декалб, Ричвилл, Гувернер и Антверп к Песчаным равнинам. Ради встречи со старыми друзьями они сделали большой крюк.

Каждый день в дороге дети задавали множество вопросов — главным образом о зверях и птицах, скрывавшихся в тёмных глубинах леса, через который они проезжали. Отец и мать терпеливо отвечали, и каждый ответ порождал новые вопросы.

— Забавная вы парочка, — сказал однажды отец. — Каждое наше слово норовите перевернуть, посмотреть, что под ним. Я сам был такой же: выйду на выгон и ворочаю все палки и камни, какие могу поднять, чтобы поглядеть, как побегут жуки и сверчки. А вы всё надеетесь, что из-под моих слов выскочит медведь, пума или фея.

— А почему мы совсем не видим медведей? — спросил Джо.

— Потому что они всегда замечают нас первыми или слышат, как мы едем, — ответил отец. — Чтобы повидать дядюшку Медведя, надо за вход заплатить.

— Это как? — спросил Джо.

— Надо ступать тихо и осторожно, чтобы ты его первым увидел. Если бы эта старая повозка не болтала так громко да умела ходить на цыпочках, мы бы, может, его и встретили. Он не любит, когда на него смотрят. Будто сам себя стыдится. И я бы не удивился: есть ему чего стыдиться.

— А что он сделал? — спросил Джо.

— Ловил овец, поросят и оленят, да и утаскивал.

— А потом что с ними делает?

— Съедает. Ну, хватит. Тут камней да грязи полно, мне за дорогой смотреть надо. Теперь берись за мать, погоняй её немножко своими вопросами по холмам вверх-вниз, а мне дай отдышаться.

В дневнике Самсон рассказывает, как на вершине долгого крутого спуска он срубал у обочины деревце, привязывал комель к задней оси и цеплялся за ветви, пока жена правила лошадьми. Так он сдерживал тяжёлую повозку: получался надёжный тормоз.

Неделями они ехали через лес. Когда день начинал клониться к вечеру, искали место у ручья, где можно было переночевать и иметь воду под рукой. Самсон привязывал лошадей, поил и кормил их. Пока Сара с детьми разводила костёр, кипятила чай и пекла лепёшки, он добывал наживку и ловил рыбу в ручье.

«Не успею опустить крючок в воду, — пишет он, — как через несколько минут уже выпотрошенная форель шипит на сковороде с куском солонины. А если нет, значит, день для рыбалки выдался совсем плохой».

После ужина часть поклажи вынимали, на доски под пологом повозки стелили перину и покрывали её одеялами. Затем Самсон пел песни, рассказывал истории или играл на скрипке, забавляя семью. Скрипка неизменно будила птиц в кронах, и некоторые из них — вероятно, дрозды, певуньи или белогорлые воробьи — начинали щебетать. То одна, то другая выражала своё мнение о нарушении покоя коротенькой песней. Музыкант часто прерывал игру, чтобы послушать эти мелодичные шепотки «на галёрке», как он выражался.

Если остальные падали духом и уставали, он принимался весело приплясывать вокруг костра, наигрывая бойкую мелодию; Самбо охотно помогал ему лапами и вносил в представление немалую долю шума. Когда докучали мухи и комары, Самсон разводил дымокуры, наполняя стоянку дымным ладаном прелой листвы, к которому часто примешивался запах сосны и пихты. Потом скрипку убирали, все опускались на колени у огня, и Сара вслух молилась о защите на ночь. Как видите, они возили с собой собственный маленький театр, церковь и гостиницу.

Вскоре после наступления темноты Сара с детьми укладывалась спать. Самсон же в хорошую погоду заворачивался в одеяла у костра; рядом лежали заряженное ружьё и пёс Самбо. Нередко волчий вой в далёком лесу часами не давал уснуть, а собака ворчала и лаяла.

На рассвете Самсон будил лагерь. Уводя лошадей на водопой, он распевал весёлую песню — это и был его побудочный сигнал.

— Хорошо спал? — спрашивала Сара.

— Превосходно! — отвечал он обычно. — Только, когда дымокуры погасли, комары принялись клевать мне лицо.

— У меня оно будто подушечка для булавок, — часто откликалась Сара. — Ты не согреешь нам немного воды умыться?

— Ещё как согрею! Ночью ещё два дикобраза приходили, только Самбо их не тронул.

Некоторое время назад Самбо исколол себе пасть о дикобраза и с тех пор знал, что связываться с ними не стоит.

Когда утром отправлялись в путь, Самсон обычно говорил мальчику, сидевшему рядом:

— Ну, сынок, какое у нас доброе слово?

И Джо, словно попугайчик, повторял:

— Да поможет нам всем Господь и да озарит нас светом лица Своего.

— Хорошо сказано! — отвечал отец, и начинался новый день пути.

Нередко под вечер они подъезжали к одинокой ферме. Самсон всякий раз останавливался и шёл к двери расспросить о дороге. Маленькие Джо и Бетси следовали за ним, питая тайные надежды. Одна из этих надежд была связана с печеньем, кленовым сахаром и хлебом с маслом: зародилась она в счастливый час в самом начале путешествия и с тех пор не раз подкреплялась добросердечными женщинами по дороге. Другая — увидеть младенца — принадлежала преимущественно Бетси. Интерес Джо был лишь отголоском её интереса. К младенцам он относился, так сказать, без предубеждения: мнение сестры, которая была на полтора года старше, ещё имело для него вес. Но всякий раз младенцы его разочаровывали, уж очень мало они умели. Правда, шуму от них бывало изрядно, и, по слухам, пума подражала их голосу. Однако с тех пор как Джо узнал, что кусаться они не способны, уважение к ним стало у него убывать. И всё же, не зная, чего ожидать, он непременно осматривал каждого младенца.

Возле топких мест и домов детей снимали с повозки размять ноги. Когда отец стоял у незнакомой двери, они обязательно прятались тут же за его ногами. А поскольку надвигалась ночь, хозяева неизменно приглашали поставить лошадей в сарай и остаться до утра. Отчасти дело было в добром лице и голосе Самсона, но главным образом — в умоляющих детских личиках, о чём родители и не подозревали. Какое материнское сердце могло бы устоять перед их безмолвной просьбой или не понять её? Для Сары, Джо и Бетси эти ночёвки становились памятными событиями. В письме к брату Сара писала:

«Ты не представляешь, как хорошо было увидеть женщину и поговорить с ней. Мы разговаривали и разговаривали до полуночи, когда все остальные давно спали. Она дала мне подержать ребёнка на коленях, пока его не уложили. Как хорошо было снова чувствовать в руках маленькое тёплое тельце и его дыхание! За всю жизнь я не видела младенца красивее. И как хорошо было побыть в настоящем доме, поспать в мягкой тёплой постели, поесть желе, печенья, свежего мяса, картошки и хлеба с маслом! Самсон играл для них и смешил своими рассказами до самого сна. Они не взяли ни цента, а когда мы уезжали, дали нам корзинку с дюжиной яиц и кусок оленины. Их фамилия Сэнфорд, я обещала им написать. Это добрые христиане; они говорят, что, может быть, присоединятся к нам в стране изобилия, если она окажется такой, как мы надеемся».

Два дня стояла холодная дождливая погода, дул северо-восточный ветер, дороги развезло. Дети жаловались на холод. Проехав несколько миль, путники остановились у старого охотничьего навеса, обращённого к огромной замшелой скале неподалёку от дороги.

— Пожалуй, погостим-ка мы здесь, — сказал Самсон.

— А у кого мы будем гостить? — спросил Джо.

— У деревьев и фей, — ответил отец. — Разве не слышишь, как они просят нас остаться? Говорят: ветер злой, лучше остановитесь да устройте себе хорошую погоду. Предлагают нам

дом, крышу над ним и дрова для огня. Думаю, через несколько минут у нас будет собственное солнышко.

Самсон надрал коры и починил крышу, потом с помощью кремня, трута и смолистых сосновых щепок развёл перед скалой жаркий костёр. Вскоре всё его семейство сидело под навесом в тёплом свете огня. Рядом стоял ещё один грубый остов из жердей, положенных на развилки и отчасти прикрытых корой. Немного подправив его, Самсон устроил вполне сносное укрытие для Пита и Полковника. Затем он спустился к ручью в нескольких десятках шагов, нарубил пихтовых веток и вскоре вернулся с целой охапкой душистого лапника. Он подсушил его у огня и толстым слоем расстелил под навесом. Здесь уже стало тепло: огромная скала напротив отражала жар костра. Свет пляшущих языков пламени падал на путешественников.

— Вот видите, можно и самому себе хорошую погоду устроить, да ещё с солнышком, если умеючи, — сказал Самсон. Усевшись, он выкатил из золы уголёк, проворно подхватил его пальцами и положил в чашечку глиняной трубки. — Мы с матерью в книге читали, что в дереве полно солнечного света. Он там хранится, дожидается, когда нам понадобится. Подожжёшь — и выходит тёплое солнышко для таких вот дней. Хорошо о нас Господь заботится, верно?

От прежних костров нижний край скалы выкрошился на несколько дюймов. Под выступом кто-то написал углём: «Стоянка Медвежья долина». Это навело детей на мысль попросить рассказ о медведе. Откинувшись на зелёную подстилку из ветвей, Самсон поведал им о громадном медведе с горы Верблюжий Горб, которого убил его отец, и рассказал ещё много лесных историй.

В этом душистом, чудесном пристанище они прожили два дня, пока не миновала непогода и лошадям не скормили последние остатки кукурузной муки. Уют и благодатные запахи стоянки в Медвежьей долине навсегда остались в их памяти.

После ненастья, в тёплый ясный день, они ехали по песчаному краю и добрались до грубо сколоченного, недостроенного каркасного дома у края широкой вырубки. С одной стороны дороги песок лежал наносами: видно было, что недавний ветер передвинул его. Поле покрывала чахлая растительность. Во дворе стояли босой оборванный мужчина и трое тощих, плохо одетых детей. Был полдень. Дворняга с примесью гончей в крови с лаем подскочила к повозке, бросилась на Самбо и тут же получила своё. Долгий опыт самообороны научил Самбо, что лучший выход из подобного положения — схватить противника за ногу и не отпускать. Так он и поступил. Дворняга завизжала. Самсон поднял обоих псов за загривки, разжал Самбо челюсти и отбросил дворнягу. Та с жалобным воем убежала.

— Напомнило мне одного быка, который в Вермонте на человека напал, — сказал он. — А у того дубинка была. Человек увернулся, схватил быка за хвост и давай гонять его по всему выгону да колотить. Бык ревёт, а человек кричит: «Хотел бы я знать, кто первый-то начал!»

Незнакомец рассмеялся.

— Это ваш дом? — спросил Самсон.

Человек подошёл поближе и ответил вполголоса, доверительно:

— Послушайте, мистер, тут у нас богадельня и сумасшедший дом под одной крышей. Сумасшедший — это я. А вот нищие.

Он указал на детей.

— Говорите вы совсем не как сумасшедший, — заметил Самсон.

Человек огляделся и наклонился над колесом, словно собирался открыть тайну.

— А я вам вот что скажу, — произнёс он негромко. — Настоящий первостатейный дурак никогда так не говорит. Вы бы на мои поступки посмотрели.

— По вашей земле видно, что вы, пожалуй, правы, — засмеялся Самсон.

— Она-то и есть доказательство, — шепнул незнакомец.

— Вода у вас найдётся? — спросил Самсон.

Незнакомец придвинулся ещё ближе и заговорил самым доверительным тоном:

— Послушайте, мистер, вода у нас чуть ли не лучшая во всех Соединённых Штатах. Вон там, на опушке, родник. Холодная, как лёд, чистейшая вода. Пожалуй, это единственное, что здешняя земля даёт.

— По мне, эта земля стоит не дороже зарницы, да и передвигаться умеет едва ли не так же быстро, — сказал Самсон.

Незнакомец вполголоса ответил:

— А я вам вот что скажу: она как дикая корова. На месте не постоит, чтобы можно было хоть что-нибудь с неё надоить. Уж я и трудился, и молился, а толку мало.

— Молитвой этой земле не поможешь, — ответил Самсон. — Ей навоз нужен, да побольше. Здесь ничего, кроме блох, не разведёшь. Нехорошо просить Бога помогать разводить блох. Он слишком разумен для этого, а если вы так и будете продолжать, совсем перестанет вас уважать. Вот если купить другую ферму, привезти сюда и положить поверх этой, тогда, пожалуй, можно будет прокормиться. Не хотел бы я жить там, где ветер сам картошку выкапывает.

Незнакомец снова подался к Самсону и сказал почти шёпотом:

— Послушайте, мистер, не хотел бы я, чтобы вы об этом рассказывали, но раз уж речь зашла о блохах: я как пёс, у которого их столько, что и поесть некогда. Если кто-нибудь его не намылит, он сдохнет. Видите ли, я променял свою ферму в Вермонте на пятьсот акров этой зарницы — не глядя, ни разу не посмотрев. Нам всем до смерти хотелось на Запад, вот и приехали. Если бы не олени да рыба, мы бы давно с голоду померли.

— Вы откуда родом?

— Из Оруэлла, Вермонт.

— А зовут вас как?

— Генри Бримстед, — шепнул незнакомец.

— Сын Элайджи Бримстеда?

— Да, сэр.

Самсон взял его за руку и горячо пожал.

— Вот так встреча! — воскликнул он. — Элайджа Бримстед дружил с моим отцом.

— А вы кто будете? — спросил Бримстед.

— Я из вердженсских Трейлоров.

— Мой отец, бывало, покупал скот у Генри Трейлора.

— Генри — это мой отец и был. А вы разве родным о своей беде не сообщили?

Бримстед снова заговорил доверительно:

— А я вам вот что скажу: такому дураку, как я, не стоит об этом всем объявлять. Голова, которая так постыдно обошлась со своим хозяином, как моя со мной, пусть сама что-нибудь придумает или пропадает. Я кое-что изобрёл, может, удастся продать. Всё надеюсь, что удача ко мне повернётся.

— Повернётся, когда сами её повернёте, — заверил Самсон.

Бримстед задумчиво пошевелил босой ногой песок. Спустя полминуты он подошёл к колесу и открыл ещё одну тайну:

— Послушайте, мистер, если у вас остались сомнения насчёт моего ума, так вот вам ещё: на моей земле, в двух милях от дороги, нашли ценную руду, и я надеюсь разбогатеть. Ну разве это не доказывает, что я дурак?

— За всякого, кто возлагает надежды на земные недра, я готов проголосовать, — сказал Самсон.

Бримстед придвинулся к самому его уху и едва слышно произнёс:

— У моего брата Роберта тоже есть сумасшедший дом. Очень даже красивый, и доход приносит, но я бы с ним не поменялся.

Самсон улыбнулся: он вспомнил, что Роберт держал винную лавку.

— Послушайте, Генри Бримстед, мы голодны, — сказал он. — Если с вас будет вода, мы уж раздобудем хлеба и угостим вас таким обедом, какого вы за всю жизнь не ели.

Генри отвёл лошадей в свой сарай, напоил и накормил их, а потом принёс два ведра родниковой воды. Тем временем Самсон развёл костёр в рощице молодых тополей у дороги и принялся жарить оленину; Сара достала доску для теста, муку, скалку и чайник. Ожидая воды, она подозвала чужих детей. Старшая, лет тринадцати, была девочкой с необыкновенно тонким и привлекательным лицом. Несмотря на истёртую одежду, она выглядела опрятной и чистой, а манеры у неё были кроткие. Младшему, мальчику, было четыре года. Жалко было смотреть на эту троицу.

Джо уже успел рассказать им о Санта-Клаусе, показать складной ножик, который тот принёс на Рождество в своём мешке через дымоход, и описать мамино платье с золотыми и серебряными пуговицами. Шестилетняя девочка задала ему множество вопросов о матери и несколько мгновений смотрела Саре в лицо снизу вверх. Потом робко потрогала её платье, волосы и обручальное кольцо.

— Идите умываться и мыть руки, — распорядился Джо, едва принесли воду.

Дети послушались, а он поливал им из ковша.

— Приличные люди всегда моются перед едой, — напомнил он.

Затем он показал свою медвежью палку и заверил, что ею убит дикобраз, опустив несущественную подробность: палкой-то орудовал отец. О свирепости дикобразов он знал очень много. Он рассказал, как одному из их спутников чуть не пришили шкуру к двери сарая. Дикобраз пришёл к Самбо и спросил, не нужны ли ему иголки. Самбо прежде никогда дикобразов не видел, вот и сказал, что, пожалуй, нужны.

Тогда дикобраз ответил:

— Бери сколько хочешь.

Самбо сунулся за иголками, и они так набились ему в морду, что она стала похожа на ячменный колос. Пришлось вытаскивать клещами, а то ему пришили бы шкуру к двери сарая. Такой уж у них обычай: норовят пришить всякому шкуру к сарайной двери.

Каждую ночь дикобраз приходил и кричал:

— Иголки, иголки! Кому нужны иголки?

Теперь Самбо всегда отвечал:

— Нет, спасибо, с меня довольно.

— А где ваша мама? — спросила Сара десятилетнюю девочку.

— Умерла. Когда братишка родился.

— А кто о вас заботится?

— Отец и… Бог. Отец говорит, что больше Бог.

— Господи! — вырвалось у Сары, и лицо её исполнилось жалости.

Они хорошо пообедали свежими лепёшками с мёдом, олениной, яйцами и чаем. За едой Самсон рассказывал Бримстеду о стране изобилия.

После обеда, пока Бримстед приводил лошадей, одна из его дочерей — светловолосая, бледная шестилетняя девчушка в лохмотьях — забралась на сиденье повозки и уселась там, прижимая к себе тряпичную куклу, подаренную Сарой. Когда пришло время ехать, она наотрез отказалась слезать.

— Я уезжаю, — сказала она. — Уеду далеко-далеко, искать маму. Мне здесь не нравится. Здесь нет Санта-Клауса. Я уезжаю.

Она цеплялась за сиденье и громко плакала, когда отец снял её на землю.

— Разве от такого сердце не разорвётся? — сказал он с горестным видом.

Тогда Самсон повернулся к Бримстеду:

— Скажите-ка, Генри Бримстед, вы пьёте? Только честно.

— Никогда ничего, кроме воды и чая.

— Есть кто-нибудь, кто даст вам хоть что-то за ваше хозяйство?

— Один человек в соседнем городке предлагал триста пятьдесят долларов за всё, что мне здесь принадлежит.

— Далеко до него?

— Три мили.

— Поедемте с нами. Если можно получить эти деньги, получайте. Я помогу вам собраться и перебраться туда, где можно заработать на жизнь.

— Я бы рад, да конь у меня хромой и детей оставить не с кем.

— Сажайте их сюда, в повозку, и пойдёмте. Если там есть наёмные экипажи, я вас домой отправлю.

И вот дети уселись в повозку, Сара повела лошадей в соседний городок, а Самсон с Бримстедом пошли пешком. Там добрая женщина купила новую одежду всему семейству Бримстедов. Бримстед продал свои владения на Песчаных равнинах, купил хорошую пару лошадей с упряжью и ткань для полога. У него осталось пятьдесят долларов в кармане, а выражение лица стало совсем другим. Посадив детей верхом и взвалив на плечо мешок с провизией, он повёл лошадей к прежнему дому. Наутро ему предстояло отправиться по следам Трейлоров — к берегам Сангамона.

Самсон расспросил о нём в городке и узнал, что это честный человек, которому не повезло. Соседская жена два года заботилась о его детях, но из-за нездоровья ей пришлось отказаться от этой заботы.

— «Больше Бог», — повторила Сара слова девочки, когда они снова тронулись в путь. — Думаю, сегодня Он и спас их от богадельни. Надеюсь, они нас догонят. Мне бы хотелось немного присмотреть за детьми. Как им нужна мать!

— Догонят, не сомневайся, — сказал Самсон. — У нас поклажи больше, чем у них будет, да и движемся мы небыстро. Завтра утром они покинут страну, где нет Санта-Клауса. Будто сам Бог заговорил со мной, когда девочка сказала, что Санта-Клауса здесь нет.

— Страна, где нет Санта-Клауса, — подходящее название, — сказала Сара.

В тот день они увязли в тяжёлой топи, и Самсону пришлось нарубить жердей, чтобы настлать гать для лошадей и повозки, а потом долго поддевать переднюю ось концом тяжёлого шеста. Наконец лошади вытащили их.

— Когда старина Полковник шею согнёт, всё с места сдвинется, хоть он сам по брюхо в грязи, — сказал Самсон.

Под вечер они выехали к реке в лесной глуши. Уголок был дивно хорош; в одной из его зелёных башен звенели колокольчики дрозда-отшельника. Только они да тихая песня реки нарушали тишину. Закатное сияние, зажигавшее западные окна леса, было того же цвета, что и эта музыка, — золотого. Длинные лучи местами пронизывали колоннаду стволов и ложились на дорогу. Усталые путешественники остановились на грубом дощатом мосту через реку. По долине тянул лёгкий прохладный ветерок, неся запахи пихты, сосны и лиственницы.

— Пахнет, как в Медвежьей долине, — сказала Сара.

— Как там в тех стихах, что ты учила к церковному вечеру? — спросил Самсон.

— Наверно, ты вспомнил вот эти строки:

И западный ветер душистым крылом
Меж кедрами веет, струя аромат
Бальзамной корицы и нарда.

— Вот-вот, — сказал Самсон. — Пожалуй, останемся до завтра на этом постоялом дворе.

Джо спал, и его уложили на одеяла, пока готовился ужин. Вскоре после ужина Самсон подстрелил оленя, зашедшего в речные пороги. К счастью, прежде чем упасть, тот успел выбраться на противоположный берег. Весь вечер все вместе разделывали тушу и заготавливали лучшие куски мяса. Их нарезали полосами величиной примерно с ладонь, солили и рас-

кладывали на решётке в двух футах над слабым огнём, прикрыв сверху зелёными ветками. За два-три часа жар и дым подсушивали мясо и придавали ему превосходный вкус. Нет ничего вкуснее оленины, приготовленной таким способом. Если хранить её в сухости, она месяц и дольше сохраняет вкус и свежесть.

Самсон продолжал возиться с мясом, когда остальные давно уже улеглись. Закончив почти всю работу, он оставил его на решётке над догоравшим огнём, перешёл реку к повозке, взял одеяло, снова зарядил ружьё и лёг спать с собакой под боком.

Несколько часов спустя его разбудил, по его выражению, «какой-то бычий рёв». Пёс с лаем бросился через реку. Самсон схватил ружьё и побежал следом. Над верхушками деревьев уже пробивался первый тусклый утренний свет. Какой-то большой зверь рычал, ревел и катался по кустам возле решётки с мясом. Через мгновение он вывалился на открытое место рядом с Самсоном. Теперь тот разглядел крупного чёрного медведя, отчаянно боровшегося с заплечной корзиной. Медведь просунул в неё свою огромную голову, а обруч крепко обхватил шею. Он фыркал, рычал, мотал головой и бил обеими передними лапами, стараясь освободиться. Самбо вцепился в короткий обрубок хвоста, и медведь тщетно пытался дотянуться до него: пёс уворачивался, не разжимая зубов. Оба вертелись так проворно, что Самсону приходилось выплясывать, чтобы не попасть под них. Обезумевший от беды медведь прыгнул в его сторону, и качнувшаяся корзина задела человека за бок. Они то врывались в кусты, то снова выкатывались наружу, а Самбо всё не отпускал хвоста. Никогда ещё охотнику не случалось видеть ничего более странного и уморительного. Самсон никак не мог прицелиться в этот шумный, стремительный водоворот меха. Вдруг медведь поднялся на задние лапы, сердито рявкнул и изо всех сил тряхнул корзину. В эту короткую заминку пуля угодила ему в сердце, и он рухнул. Самсон прыгнул вперёд, схватил собаку за ошейник и оттащил, пока зверь бился в предсмертных судорогах. Потом пошёл к стоянке; его громовой хохот разбудил далёкое лесное эхо.

— На обед медвежатина! — крикнул он Саре и детям, стоявшим на мосту и дрожавшим от страха.

И снова смех наполнил лес.

— Господи праведный! Да что же это было? — спросила Сара.

— Видите ли, дядюшка Медведь пришёл украсть нашу солонину, а солонина взяла да его самого и украла, — проговорил Самсон между приступами хохота, который уже передался всем домашним. — Сунул голову в корзину, а она его и не пускает. Говорит: «Первый раз в жизни медведя проглотила. Если не возражаешь, я так и останусь снаружи. Ты мне, пожалуй, нравишься». А медведь возражает. Не хочет, чтобы его корзина съела. До сих пор-то он сам всех глотал, вот и давай на неё орать, ругаться, пугать, чтобы отстала. Скажу я вам, нахальничал он с этой старухой ужасно, а она держится. Как же он метался с Самбо на хвосте! Думал, его с обоих концов глотают. Страшное дело! Пойдёмте, посмотрите.

Они подошли к уже мёртвому медведю. Самбо забежал вперёд, снова вцепился в обрубок хвоста и яростно трепал его, словно хотел приписать себе лишнюю долю заслуг. Обруч корзины так крепко стиснул медвежью шею, что пришлось с силой тянуть, чтобы стащить его через голову. Одну сторону корзины — ту, что при переноске прилегала к спине, — от когтей защищала накладка из толстой подошвенной кожи. Когти почти прорезали её насквозь, а один из заплечных ремней изорвали в клочья.

— Думаю, он бы сорвал свою вуаль, если бы пёс дал ему ещё немного времени, — сказал Самсон. — Напасти у дядюшки Медведя были с обоих концов, вот он и не знал, куда повернуться.

На дне корзины по-прежнему лежал изрядный кусок солонины.

— Небось теперь от него медведем отдаёт, — сказал Самсон, разглядывая мясо. — Уж больно много на него чихали да рычали. Бетси, снеси его к реке, смой с него медведя. А я пока шкуру сниму, мать завтрак приготовит. Под решёткой с олениной, думаю, ещё углей вдоволь.

В то утро выехали довольно поздно. По обыкновению Джо стоял возле головы Полковника, а тот слизывал коричневый сахар с робко подставленной ладошки. Затем конь касался лица Джо большими мохнатыми губами — словно в благодарность за щедрость. Полковник, казалось, необыкновенно привязался и к мальчику, и к собаке; Пит же обоим не доверял. Впрочем, ему вообще некогда было отдыхать: он вечно был занят либо работой, либо мухами. Несколько прорех в корзине залатали гибкими зелёными прутьями. Когда её грузили, она скрипела под тяжестью заготовленной оленины. Медвежье мясо аккуратно завернули в шкуру и положили рядом. В следующем городке мясо, шкуру и право на премию за убитого медведя продали за тридцать добрых шиллингов.

— Вот и старому хорьку полегчало, — объявил Самсон, когда они поехали дальше.

— После встречи с Бримстедами ему крепко досталось, — сказала Сара.

— Это верно, мэм! И нисколько мне его не жаль. Пусть время от времени из норы вылезает. Говорю тебе, там, в стране, где нет Санта-Клауса, с нами словно сам Бог говорил. Да, словно сам Бог.

Помолчав, Сара сказала:

— Думаю, Он часто говорит голосами маленьких детей.

Хорьком Самсон называл необычайно большой высушенный свиной пузырь, в котором носил деньги. Денег по тем временам он взял с собой довольно много. В пузыре поменьше хранился табак.

Позднее у мальчика заболело горло. Сара обвязала ему шею ломтем свинины, а Самсон устроил у дороги стоянку. Развели хороший костёр и дали Джо пропотеть над отваром тсуги. Для этого хвойные ветки заварили в вёдрах с горячей водой; больного посадили на стул у огня, укутали одеялом, плотно сколов его у шеи, и поставили под одеяло вёдра с дымящимся отваром. После этой процедуры и суток в постели перед жарким костром у навеса Джо снова смог занять своё место в повозке. Путешественники вспоминали Бримстедов и удивлялись, что те до сих пор не нагнали их.

На двадцать девятый день пути перед ними открылась прекрасная зелёная долина Мохока. С высоты холмов было видно, как лесной полог спускается к реке и далеко тянется к востоку и западу, лишь кое-где прерываемый небольшими просеками. Вскоре показались дымки и шпили процветающего городка Ютика.

Глава II

В которой повествуется о сильном впечатлении, произведённом на путешественников паровой машиной и знаменитым каналом Эри. Здесь же вкратце рассказывается о любопытных людях, встреченных в дороге и на праздновании Четвёртого июля у большого водного пути.

В Ютике они купили провизию, жестяную трубу для Джо и куклу с настоящим фарфоровым лицом для Бетси, а затем свернули на главную северную дорогу, ведшую на восток, к Бостону, и на запад, к берегам внутренних морей. Когда-то здесь проходила большая тропа ирокезов. Они называли её Длинным домом: она тянулась от Гудзона до озера Эри и в их времена была надёжно укрыта лиственной кровлей. Здесь путешественники впервые увидели паровую машину. Она стояла неподалёку от Ютики, пыхтела и дымила, приводя лошадей в ужас и недоумение, а седоков повозки — в сильнейшее волнение. Мальчик от страха прижался к отцу.

Самсону хотелось вылезти и поближе рассмотреть шумное чудовище, но лошади вставали на дыбы, стремясь поскорее убраться прочь, и остановиться хотя бы ненадолго было невозможно. Самбо в панике бросился вперёд, поджав хвост, и спрятался в придорожных кустах.

— Что это было, отец? — спросил мальчик, когда лошади перестали тревожиться из-за новой опасности.

— Паровая машина, — ответил тот. — Сара, ты её хорошо разглядела?

— Да уж! Все новые выдумки, о которых я слышала, рядом с этой — ничто! — воскликнула она.

— Она только-только работать начала, — сказал Самсон.

— А что она делает? — спросил Джо.

— На железной дороге может схватить целый дом с людьми и убежать с ним. И несётся как ветер.

— Она их съедает? — спросил Джо.

— Нет. Она ест дрова и масло, да ещё всё орёт: подавайте добавки. Пожалуй, целую поленницу за пять минут проглотит и половиной ведра касторки запьёт. Подхватит людей, унесёт куда-нибудь и высадит. Небось у них волосы дыбом встают и зубы стучат.

— А покалечить она кого-нибудь может? — с надеждой спросил Джо.

— Ну, сударь мой, если кому захочется покалечиться и он у неё на дороге станет, думаю, всё выйдет как нельзя лучше. Сила в ней страшная. Да если человек схватится за хвост паровоза и упрётся, он у него все ногти на ногах повыдёргивает.

Джо начал относиться к паровозам с глубоким почтением.

Вскоре рядом с дорогой показался знаменитый канал Эри. По нему зерно далёкого Запада только недавно начало течь на восток потоком, не иссякавшим с апреля по декабрь. Большие баржи, которые мулы и лошади тянули с берега, рассекали неподвижную воду. Путешественники остановились и смотрели на баржи, длинные буксирные канаты и натужно тянувших животных.

— Вот вам настоящая искусственная река, сотни миль длиной, ручная работа из лучшего материала, воду держит, ни коряг, ни камней, никаких изъянов, долговечность гарантируется, — сказал Самсон. — Благодаря ей имя Девитта Клинтона теперь повсюду известно.

— Что же дальше-то будет! — воскликнула Сара.

По дороге, более широкой и ровной, чем все прежние, им встречалось множество упряжек; они обгоняли других переселенцев, двигавшихся на запад, миновали зажиточные фермы. На ночлег остановились у реки вместе с семьёй из Коннектикута, ехавшей в Огайо. В одной

повозке у тех громоздилась домашняя мебель, в другой сидело семеро детей. Молодёжь провела у костра весёлый вечер, а взрослые приятно побеседовали. Особенно много говорили о великом канале Эри.

Так они добрались через Канандейгуа и реку Дженеси до Рочестера, затем через Льюистон поднялись вдоль Ниагары к водопаду и расположились там, откуда были видны огромные массы низвергающейся воды и слышен её приглушённый гром. Незадолго до водопада они нагнали бедную ирландскую семью Фланаганов; возле Ниагары обе семьи стали лагерем вместе. Фланаганы направлялись в Мичиган. Три года назад они приехали из Старого Света и поселились в округе Брум штата Нью-Йорк. Теперь и они искали более многообещающий край. Среди них был крепкий рыжеволосый веснушчатый юноша по имени Деннис, уже вышедший из раннего отрочества. Он шагал рядом с волами, держа в руке кнут, в высоком бобровом цилиндре, лихо сдвинутом набок, и рваном синем сюртуке с медными пуговицами; штаны его были заправлены в большие сапоги из воловьей кожи. Ехал с ними и красивый молодой человек по имени Джон Макнил, одетый в рубашку с оборками и фрак, сильно испачкавшиеся в дороге. Послушав рассказ Самсона о Сангамонском крае, он сказал, что, пожалуй, тоже отправится туда. По пути они с Деннисом поменялись шляпами. Величественный вид бобрового цилиндра так поразил Денниса, что в придачу к своей шляпе он отдал серебряную булавку для галстука и пятнадцать шиллингов.

Деннис был весельчак. На плоской скале у реки он отплясывал джигу, пока Самсон играл «Ирландского прачечника» и «Рыбацкий хорнпайп». В разгар веселья порыв ветра сорвал с него высокий цилиндр, перенёс через край обрыва и забросил в ветви кедров, росших на крутом склоне футах в десяти ниже. Никто не успел остановить храброго ирландца: он уже карабкался вниз, к деревьям. Место было опасное — кедры нависали над рекой на краю пропасти глубиной больше ста футов. Свой клад он добыл, но обратно Самсону пришлось вытаскивать его на верёвке.

Самсон рассказал про медведя под вуалью, а закончив, сказал ирландцу:

— Тебе не помешает помнить: попасть в беду легче, чем из неё выбраться. По мне, один ирландский паренёк с чистым сердцем дороже всех бобровых шляп на свете.

Прежде чем попрощаться, Сара снабдила ирландскую семью изрядным запасом печенья и сушёной оленины.

Когда на следующее утро наши путешественники тронулись в путь, они остановились напоследок взглянуть на великий водопад.

— Дети, — сказал Самсон, — посмотрите на него как следует. Это самое удивительное зрелище на свете, и, может быть, больше вам никогда его не увидеть.

— Индейцы верили, что в этой реке живёт Великий Дух, — сказала Сара.

— А мне кажется, они были правы, — задумчиво произнёс Самсон. — Будто в этой воде великий дух Америки. Она движется куда хочет, и ничто её не остановит. Всё, что попадает в течение, идёт вместе с ней.

— И только сильные могут выдержать этот путь, — сказала Сара.

На эти слова её, несомненно, навела ломота в костях. Жёсткое сиденье и бесконечная тряска в долгие жаркие, пыльные дни измотали их. Даже на сердце становилось больно при мысли о бесконечных дорогах впереди. Самсон набил мешок соломой и подложил Саре с детьми на сиденье. В ответ на жалобы он обычно говорил:

— Знаю, ужасно утомительно. Но надо потерпеть. Мы ещё привыкнем, и будет нам очень весело. Время быстро пройдёт, вот увидите.

Потом заводил песню или какой-нибудь затейливой шуткой смешил всех до слёз. Ночь на третье июля они провели на постоялом дворе в Буффало — тогда ещё грубоватом, но оживлённом и быстро растущем центре перевозок между Востоком и Западом. На следующий день в городе готовилось большое празднование Четвёртого июля, и путешественники задержались,

чтобы его увидеть. На восходе зазвонили колокола и загрохотали пушки. Для путников, державших путь на Запад, день был полон волнений. Лошади дрожали в стойлах. Самбо забился в ясли Полковника и не желал вылезать.

В толпе было немало переселенцев, ехавших на дальний Запад: мужчины, женщины, дети, младенцы на руках; ирландцы, англичане, немцы и янки. Попадались и хорошо одетые, красивые молодые люди из колледжей Новой Англии, отправлявшиеся миссионерами «туда, где пустыня встречается с возделанной землёй».

В те дни Буффало, стоявший на краю внутренних морей, словно пах свежей, ещё дикой землёй. Особенно ощутимо это было в тот праздничный день, когда город наполнили грубо одетые и ещё грубее выражавшиеся люди: грузчики, озёрные и речные лодочники пограничного края. Некоторые прошли свою школу на Огайо и Миссисипи. На запруженных улицах много пили и дрались. Иные из этих перевозчиков американских товаров изливали восторг в песнях.

В дневнике Самсона сохранился припев одной старой озёрной песни, который он потом записал, как сумел:

Так трижды ура капитану и нашим ребятам лихим!

Дай ветра, пусти её в море — куда угодно домчим!

Чуть бороды нам не повыдуло — такой был ветер в пути,

Когда мы шли из Буффало к Милуоки-и-и!

Каждый из этих грубых людей нарядился по собственному вкусу. Многие были в добротных телячьих сапогах с красными голенищами, натянутыми поверх штанов, и на высоких каблуках, в синих или красных рубахах и широкополых соломенных шляпах. Длинноволосый человек в кожаных ноговицах и мокасинах, с ножом за поясом и чересчур большим запасом виски под ним, потешал собравшихся, громко объявляя о собственном безрассудстве и неустрашимости и ещё громче требуя случая пустить их в дело. По свидетельству летописца, это было комическое хвастовство, рассчитанное только на смех.

— Вот он я, наполовину человек, наполовину аллигатор! — орал он. — Я из крепких: буду жить вечно, а после превращусь в столб из гикори. Только что из болот старого Кентукки выполз! Мне всего год от роду, но провалиться мне на месте, если я не отделаю любого в этих краях. Это я тащил «Широкорогого» вверх по Солт-Ривер, где коряги торчали так густо, что рыба не могла проплыть, не ободрав чешуи. Ку-ка-ре-ку! Это я ещё младенцем от молока отказался, глаз открыть не успел, а уже бутылку рому потребовал. Говорите, оскалом кору с дерева содрать? Пустяки! От одного моего взгляда у быка на пятке волдырь вскочит. Ку-ка-ре-ку!

Он хлопал себя по бёдрам.

— Чёрт побери! Неужели никто не осмелится подойти и взять меня за шиворот? Да мне бы душу порадовало, найдись тут человек, способный расщепить меня на сапожные гвозди. Если кто и заслужил, так я. Придётся домой ехать и снова со стариной Биллом Симсом рассчитываться. Ему уж и глаза пообвыковыривали, и ухо только одно осталось, но он старается как может. Хоть что-то. Немного аппетит утолит, а большего такому, как я, в этом скорбном мире ждать не приходится.

Тут к герою подошла высокая костлявая женщина «в пёстром платье», по выражению Самсона. Под воротником у неё была большая позолоченная брошь с узором из букв, составлявших имя Минни. Она смело надавала ему по ушам.

— Наконец побили! — крикнул он, подбирая шляпу, слетевшую от понесённых ударов, и с добродушным смехом удалился.

Поведение этих грубых предвестников цивилизации несколько встревожило Сару.

— Не беспокойся, — сказал Самсон на следующее утро, когда они ехали по Приозёрной дороге. — Озёрные да речные лодочники — самые грубые люди на Западе. Но они и вполовину

не так плохи, как кажутся с виду и на язык. Всё их бесовство наружу выходит. Мне говорили: любой из этих парней жизнью пожертвует ради женщины, и, думаю, так оно и есть.

По дороге к Силвер-Крику, Дюнкерку и Эри они любовались озером и наслаждались прохладным ветерком с воды. Сама же дорога в те времена была скверной.

Довольно уже сказано об этом долгом, утомительном путешествии. Но худшее, гораздо худшее, ещё ждало их впереди — в болотистых низинах Огайо и Индианы. На одном из болот Огайо сломалось колесо. В тот же день Сару затрясло в ознобе, затем бросило в жар. Самсон соорудил у дороги грубый навес, уложил под него Сару, а сам верхом на Полковнике отправился в ближайший городок.

«Никогда не забуду этот день в глухом лесу, — писала она брату. — Ни один день, сколько помню, не привязывал меня к детям так сильно. Они носили из ручья воду, которую я пила в огромном количестве, смачивали мою больную голову, рассказывали мне истории и всячески старались подбодрить. Джо держал наготове медвежью палку и строил планы на случай появления медведей, волков или индейцев. В Пенсильвании Самсон выковал в одной кузнице несколько гвоздей. Джо сумел вбить один в конец своей палки и, как ему казалось, получил грозное оружие. Гвоздём он надеялся проткнуть медведю глаз. Кроме того, он положил на дно заплечной корзины кусок солонины, зная её пристрастие к медведям. Моя вера в Божье покровительство была полной, а дети, несмотря на мои мучения, служили мне великим утешением. Во второй половине дня вернулся Самсон с доктором, инструментами и бруском выдержанного дерева. Как хорош он был, когда подошёл, опустился возле моей постели на колени и поцеловал меня! Путешествие тяжёлое, но с таким мужем женщина всё вынесет. Доктор дал мне пилюли Сэппингтона от лихорадки и сказал, что через три дня я поправлюсь. Так и вышло.

Под вечер пошёл дождь. Самсон пел, работая над колесом. Мимо проезжал верхом путешественник и увидел нашу беду. Это был молодой миссионер, направлявшийся на запад. Самсон принялся с ним шутить.

— Вы удивительно веселы для человека, у которого столько неприятностей, — сказал незнакомец.

И тут я услышала ответ Самсона:

— Видите ли, сэр, я в таком положении, что без веселья совершенно не обойтись. Оно как смазка на колёсах: без него мы с места не сдвинемся. Когда нам что-нибудь нужно, мы сами это делаем, если можем. Жена больна, повозка сломалась, идёт дождь, скоро ночь, кругом глухомань — не лучшее время мне нос вешать, как вы думаете? Ни костей мы не переломали, ни землетрясения не случилось, ни скальпов индейцы с нас не сняли. Стало быть, кое-что для счастья осталось.

— Послушайте, незнакомец, вы мне нравитесь, — сказал тот. — Если я могу чем-нибудь помочь, я задержусь».

Он провёл с ними ночь, помог починить обод и надеть железную шину. Лихорадка с ознобом переходила от одного к другому, и до конца пути переболели все, хотя Самсон даже в болезни не выпускал вожжей. Поломок было много, но его изобретательность всякий раз позволяла справиться с ними.

Однажды под вечер их нагнал высокий красивый юноша-янки верхом на пони. Пони остановился возле повозки и посмотрел на путешественников, будто прося о помощи. Юноша показывал куда-то на горизонт и что-то бормотал. Сара тотчас поняла, что он бредит в жару. Она выбралась из повозки и взяла его за руку. Как только она это сделала, он заплакал, словно ребёнок.

— Этот мальчик болен, — сказала она Самсону.

Тот подошёл и помог юноше сойти с лошади. Они остановились на ночлег, уложили его, дали лекарство и окружили нежной заботой. На следующий день он был ещё слишком слаб,

чтобы ехать дальше. Трейлоры остались и выхаживали его, пока он не смог продолжить путь. Родом он был из округа Ниагара штата Нью-Йорк, звали его Гарри Нидлзом.

Мать его умерла, когда ему было десять лет, а отец женился снова. С тех пор дома ему жилось несладко. Отец дал ему пони и сто долларов и отправил искать счастья. Одинокий, больной, тоскующий по дому, он просто ехал на запад с возвышенной верой, что Запад как-нибудь о нём позаботится. Не встреть он добрых людей, мог бы и погибнуть в дороге. Его история тронула сердца Сары и Самсона. Это был рослый, неопытный деревенский парень с добрым сердцем, пустившийся в путь с надеждами и жаждой приключений. Саре было приятно заботиться о бедном юноше по-матерински, и так случилось, что он присоединился к их маленькому отряду. Он был услужлив и добродушен и знал разные забавы, восхищавшие детей. И мужу, и жене пришёлся по душе этот большой честный мальчик.

Однажды он сказал Самсону:

— Надеюсь, вы не будете против, сэр, если я поеду с вами.

— Мы будем тебе рады, — ответил Самсон. — Мы уже это обсудили. Если хочешь, поезжай с нами; наш дом станет твоим, а я уж с тобой по совести обойдусь.

Они пересекли Индиану и широкие травянистые равнины Иллинойса. На девяносто седьмой день пути, проехав через волнистые, цветущие прерии, поднялись на длинный крутой холм к маленькому посёлку бревенчатых хижин — Нью-Салему, что стоял на берегу Сангамона. Около полудня они остановились посреди этой деревушки в прерии, напротив небольшого дома, обшитого досками. Над дверью висела вывеска с неровными буквами: «Таверна Ратледжа».

В тени дуба возле угла таверны сидел длинный, худой, сутуловатый молодой человек, а вокруг него играло несколько детей. Он читал книгу, прислонившись к стволу. Когда повозка приблизилась, он поднялся и теперь смотрел на приезжих, держа книгу под мышкой. В дневнике Самсон пишет, что тот был похож на «необихоженного жеребёнка-годовика ростом в шестнадцать ладоней. Поднимался он медленно и всё рос и рос, пока его чёрная взъерошенная копна не очутилась в шести футах четырёх дюймах над землёй. Тогда он надел старую соломенную шляпу без ленты. Такой он был узкий, что напомнил мне удочку Филемона Бейкера. По части невзрачности я бы его против кого угодно выставил. Кожа желтоватая, дублёная. Видно было, что ещё не окреп, немногим за двадцать, а лицо уже исписано заботами и непогодой, как у взрослого мужика. Никогда не видел человека с такими длинными промежутками между суставами. Не пойму, как он узнаёт, что ноги замёрзли».

На нём была полосатая хлопчатобумажная рубаха без воротника; ни сюртука, ни куртки. Единственная подтяжка держала грубые полушерстяные штаны. Узкие штанины доходили только до полосы синих вязаных носков над тяжёлыми башмаками из воловьей кожи. Самсон пишет, что молодой человек «чихнул что было силы и вытер свой большой нос красным платком», продолжая молча разглядывать их. А доктор Джон Аллен — добродушный человек средних лет с короткой белой бородкой под подбородком, сидевший на пороге с газетой, — весело поздоровался с путниками.

Жгучее солнце одного из последних августовских дней заливало пыльную, почти безлюдную улицу. В дверях и окнах маленьких домов появились лица. Два оборванных мальчугана и рыжий пёс подбежали к повозке. Пёс и Самбо окинули друг друга взглядом, вздыбили шерсть и, выпрямив лапы, принялись скрести землю и поскуливать, а через мгновение уже играли вместе. Человек в синей рабочей одежде, сидевший напротив на веранде лавки и прислонившийся к стене, перестал строгать деревяшку и сложил нож.

— Откуда будете? — спросил доктор.

— Из Вермонта, — ответил Самсон.

— И весь путь на этой повозке?

— Да, сэр.

— Видно, вы из хорошего теста, — сказал доктор. — А куда направляетесь?

— Точно ещё не знаю. Думаем где-нибудь землю занять.

— Лучше здешнего края не найдёте. Это американская земля обетованная. Такие люди нам нужны. Выпрягайте лошадей, пообедайте, а когда отдохнёте, обо всём поговорим. Я здешний врач, езжу по всей округе. Думаю, знаю её неплохо.

Из дверей вышла женщина в опрятном ситцевом платье — крепкая, довольно миловидная, со светлыми волосами и тёмными глазами.

— Миссис Ратледж, это путешественники с Востока, — сказал доктор. — Накормите их обедом. Если они не смогут заплатить, заплачу я. Они проделали весь путь из Вермонта.

— Господи боже! Проходите скорее, отдыхайте. Эйб, покажи господину, куда лошадей поставить, и помоги ему.

Эйб протянул Самсону длинную руку и, пожимая его ладонь, сказал:

— Здорово.

«Когда его большая рука обхватила мою, — пишет Самсон, — я будто древесину его пощупал. И подумал: такого на борьбе свалить будет нелегко».

— Как вас зовут? Долго ли ехали? Господи, да вы, верно, совсем измучились? — расспрашивала гостеприимная миссис Ратледж, провожая Сару с детьми в дом. — Ступайте к ребятишкам, пусть мать отдохнёт, пока я обед готовлю, — сказала она Джо и Бетси. А снимая с Сары шаль и шляпку, прибавила: — Вы прилягте, отдохните, пока я тут возле огня хлопочу.

— Прямо из самого Вермонта приехали? — спросил Эйб, помогая Самсону выпрягать лошадей.

— Да, сэр.

— Вот те на! — воскликнул худой великан. — Небось самому хочется упряжь скинуть да в траве поваляться.

Глава III

В которой читатель знакомится с лавкой Оффута и его приказчиком Эйбом, с учёным Джеком Келсо, его хижиной и дочерью Бим и впервые видит настоящего Линкольна.

На обед подали луговых тетеревов, жареную оленину с желе из дикого винограда, картофель в сливках, печенье, пончики и пирог с изюмом. Всё было прекрасно приготовлено и подано на белой скатерти в чистой комнате. Пока гости ели, участливая хозяйка стояла у стола, жадно расспрашивала о путешествии и старалась, чтобы они почувствовали себя как дома. Хорошая еда, добрый приём и красота волнистых прерий, поросших рощами, смягчили сожаление, которое всё сильнее овладевало их сердцами и которое лишь дети осмеливались высказывать вслух.

— Может быть, мы всё-таки не ошиблись, — шепнула Сара, когда обед кончился. — Мне нравятся эти люди, и прерии прекрасны.

— Вот она наконец, страна изобилия, — сказал Самсон, выходя на улицу. — Даже лучше, чем я думал.

— Как сказал Дуглас Джерролд об Австралии: «Пощекочи её мотыгой — и она рассмеётся урожаем», — заметил доктор Аллен, всё ещё сидевший с трубкой в тенистом дворике. — У меня есть лишняя лошадь и седло. Может быть, оставите семью у миссис Ратледж, а сами немного прокатитесь со мной после обеда? Я покажу вам земли к западу от нас, а завтра осмотрим другую сторону.

— Спасибо. Мне как раз хочется оглядеться, — ответил Самсон. — Как называется это место?

— Нью-Салем. Мы называем его посёлком. Есть мельница, чесальная машина, постоялый двор, школа, пять лавок, четырнадцать домов, два-три гения и плотина, от которой стоит чертовский шум. Впрочем, поживёте здесь подольше — услышите и другое чертыханье, но на него можно не обращать внимания. Пока всё здесь грубовато, зато посёлок растёт и скоро обзаведётся всеми украшениями цивилизованной жизни.

В тот вечер многие жители деревушки пришли на постоялый двор поглядеть на путешественников, и доктор Аллен познакомил их с гостями. Большинство переселилось сюда из Кентукки, хотя были и две семьи янки, перебравшиеся из Огайо.

— Это хорошие люди, — сказал доктор. — Есть и не такие хорошие. Мог бы я вам показать кое-каких молодчиков в Клэри-Гроув, тут неподалёку. Приходится принимать всё как есть и по мере сил делать лучше.

— А индейцы есть? — спросила Сара.

— Изредка встречаются, но мирные. Большинство ушло вслед за бизонами, дальше на запад. Зато есть ряженые индейцы: шальные белые парни, которые иной раз врываются в посёлок с улюлюканьем, полубезумные от выпивки. Они не так плохи, как кажется. Придётся немного поработать с ними, словно миссионерам. По всему Западу индейцы оставили после себя подражателей, но от тех только шума много. Скоро и это пройдёт. Шумный у нас край. Время от времени заезжает странствующий проповедник и читает нам проповедь. Если поселитесь в наших местах, услышите преподобного Стивена Наклза. Ни один человек во всём штате не умеет орать так громко.

— Уж будьте уверены, орать он горазд, если как следует наладится, — сказал Эйб, сидевший у открытой двери.

— Он для тех, кого надо попугать. А кому это не требуется, тот здесь сам себе проповедник: сам сеет добродетель, сам её и пожинает. Каждый может сделаться таким святым, каким пожелает.

— Если материал подходящий найдётся, — вставил Эйб.

— Я только в таких святых и верю — которые сами себя сделали, — сказал Самсон.

— Канала Эри до небес у нас нет, чтобы священник нас на буксире тащил, — заметил Эйб. — Иные говорят, до Спрингфилда всего пятнадцать миль. А кто пешком ходил, тот знает, что это не так.

Постоялый двор был единственным домом в Нью-Салеме, где имелась лестница. Ступени её, как писал Самсон, были такими крутыми, что «приходились родными кузинами приставной лестнице». Наверху находились четыре маленькие комнаты. Две из них разделяло полотнище, свисавшее со стропил. В каждой стояла кровать, а на полу лежали постели поменьше. Если взрослых гостей оказывалось несколько, кровать отгораживали простынями на верёвках. В одной из этих комнат путешественники провели ночь, насладившись освежающим сном.

Два дня Самсон ездил с доктором по окрестностям, а затем купил у некоего Айзека Голлахера права на половину земельной секции чуть более чем в миле от западного края посёлка. Место для дома он выбрал на границе открытой прерии.

— Теперь пойдёмте к Эйбу, — сказал доктор Аллен, когда сделка состоялась. — Во всей округе никто лучше него не управляется с топором и пилой. Он служит приказчиком у мистера Оффута. Эйб Линкольн — один из лучших парней, какие когда-либо жили на свете. Неогранённый алмаз, только что добытый из великого рудника Запада: осталось лишь огранить и отполировать.

Лавка Дентона Оффута была небольшим бревенчатым строением, примерно двадцать на двадцать футов, у гребня холма к востоку от таверны Ратледжа. Когда они вошли, Эйб лежал во весь рост на прилавке. Под голову он подложил рулон синей рабочей ткани и изучал книгу, которую держал в руке. На нём были та же рубаха, те же полушерстяные штаны на одной подтяжке, что и во дворе постоялого двора, но на ногах — только синие вязаные носки.

Здесь торговали всем понемногу, и воздух был полон заморских запахов — прежде всего чая, кофе, виски, табака, неочищенного тростникового сахара и патоки. По обеим сторонам стояли прилавки. В дальнем конце правого от входа громоздились рулоны ткани, большей частью ситца; у ближнего конца была витрина с ножами, оловянными ложками, украшениями и рыболовными снастями. По обе стороны грубой дощатой двери с деревянной щеколдой находилось по двустворчатому окну. На левом прилавке стояла витрина с нитками, пуговицами, гребнями, цветными лентами, поясами и варганами. Посередине прилавка помещались весы. В дальнем конце теснились чайный ящик, большой коричневый кувшин, коробка свечей, бочонок и большое деревянное ведро. На полках вдоль боковых стен лежали соломенные шляпы, плиточный табак, рулоны тканей, пилюли, патентованные снадобья и картонные коробки с рубашками, платками и бельём. Со стропил свисали синий рабочий костюм, косы с косовищами, мотыги, деревянные грабли и медная жаровня для согревания постели. В глубине лавки был большой очаг. Возле него стояли два стула, и оба занимал один человек: на одном он сидел, на другой положил ноги. Он мирно спал, уронив подбородок на грудь. Ситцевую рубаху украшал затейливый узор из вьюнков, напечатанных всеми положенными красками. Воротник был из той же ткани, галстук — красный.

Эйб отложил книгу и сел.

— Прошу прощения: как видите, фирма занята, — сказал он. — Знаете, Эб Зейн говорил, что никогда в жизни не был так занят, как когда лежал на спине со сломанной ногой. По его словам, приходилось работать круглые сутки — ничего не делать, — и ни часу отгула. Но сломанная нога не так плоха, как хромой ум. От него свалишься в лихорадке и ознобе невежества. Джек Келсо прописал мне пилюли Киркхэма и поэтические припарки. Пробую и то и другое, потихоньку поправляюсь. Сегодня после обеда, между покупателями, выучил три спряжения.

Спящий на стуле захрапел и застонал.

— Не вините Билла, — продолжал Эйб. — В такой рубахе любому кошмар приснится. Вчера он ходил на танцы в Клэри-Гроув, а его заперли в бочке с маленькой собакой и скатили с холма. Наверно, там рычать и научился.

Раздавшийся смех разбудил спящего.

— Как видите, под безмятежной гладью нашего предприятия таится немалое подводное течение, — добавил Эйб.

Спавший, которого звали Уильям Берри, поднялся, потянулся, и его представили приезжему. Это был невысокий добродушный человек лет тридцати, с вьющимися светлыми волосами и усами. Из-за малого роста и яркого румянца его нередко называли Черничным пирожком — обыгрывая имя Билл Берри. Пухлые щёки были столь же насыщенного цвета, как цветы на его рубахе, теперь уже изрядно испачканной. Выдающийся нос разделял их пышное багровое великолепие. Серые глаза смотрели извиняюще. Ходил он довольно скованно, словно ноги мучил ревматизм.

— Мистер Трейлор, это мистер Уильям Берри, — сказал доктор Аллен. — В своей прекрасной рубахе он похож на увитую лианами статую из итальянского сада, но на самом деле состоит из плоти и крови и славный малый.

— Не понимаю я ваших высоких речей, — сказал Берри. — По мне, рубаха в самый раз.

— Она гордость Нью-Салема, — ответил доктор. — Мистер Трейлор только что приобрёл долю во всех наших учреждениях. Купил участок Голлахера, собирается строить дом и ставить изгороди. Эйб, не могли бы вы помочь поскорее заготовить лес, чтобы через неделю всем миром поставить сруб? Искусство топора вы знаете лучше любого из нас.

Эйб посмотрел на Самсона.

— Думаю, с топорами у нас с ним вышла бы хорошая пара, — сказал он. — Судя по виду, он одной рукой дом свалит, другой построит. Будьте уверены, буду рад помочь чем сумею.

— Все возьмёмся и поможем. Думаю, Билл или Джек Келсо присмотрят за лавкой несколько дней, — сказал доктор. — Я обещал сегодня вечером сводить мистера Трейлора к Джеку Келсо. Не пойдёте с нами?

— Отлично! Порасскажем историй да заставим Джека расчехлить свои пушки, — ответил Эйб.

Вечер был прохладный, в воздухе чувствовалось приближение заморозка. Хижина Джека Келсо, одна из двух стоявших рядом на западном краю посёлка, была освещена весёлым пламенем сухих поленьев в очаге. Над ним, под оленьей головой, лежали на стойке ружья, а рядом на гвозде висела пороховница на ремешке. На полу были расстелены волчьи, оленьи и медвежьи шкуры. Шкуры лисиц, енотов и диких кошек украшали бревенчатые стены. Джек Келсо был светловолосым, гладко выбритым, красивым и весёлым шотландцем лет сорока, довольно худощавым, ростом около пяти футов восьми дюймов. Это было всё, что о нём знали, кроме того, что большую часть времени он проводил на охоте и рыбной ловле, а лучшие слова великих людей — сказанные или написанные — всегда были у него на языке. Одет он был опрятно: синий фланелевый сюртук и рубашка, высокие сапоги и бриджи для верховой езды.

— Добро пожаловать! Вот вам лучшее место у огня, — сказал он Самсону.

Потом, набивая трубку, процитировал строки из «Цимбелина»:

Не считайте нас грубыми и не судите
О добрых наших душах по убогому жилищу.

— Жена с дочерью уехали погостить, и вот уже два дня хижина в полном моём распоряжении. Посмотрите, огнепоклонники, как здесь сейчас хорошо! Простая хижина стала обителью красоты. В колеблющихся тенях всё то вспыхивает розовым цветом, то гаснет. Какой же это рай, когда пляшет пламя! Вот она, хогартовская линия красоты: ничего перпендикулярного или горизонтального.

Он взял Эйба за руку и продолжал:

— А вот вам, любители занимательных историй, один из исфаханских сказителей, вобравший мудрость кочевых племён. Он умеет рассказать так, что дети бросят игру, а старики покинут свой уголок у очага. Садись, мой мальчик, рядом с мистером Трейлором.

Потом он взял за руку доктора и прибавил:

— А вот человек, чьи остроты прославились больше, чем его пилюли. От первых трясутся, вторые тряску лечат. Доктор, мы с вами сядем по краям.

— На мои пилюли положиться можно, а остроумие у меня вроде собаки: большей частью где-то бродит, — сказал доктор.

— Собирает кости, которыми вы нас часто удивляете, — откликнулся Келсо. — Как ваши лёгкие, доктор?

— В порядке. Долгие поездки на свежем воздухе делают из меня нового человека. Ещё год в городе — и конец бы мне пришёл.

— Мистер Трейлор, вы держитесь так гордо и крепко, словно большая сосна, — заметил Келсо. — Полагаю, вы янки.

— Я тоже так полагаю, — ответил Самсон. — Если из меня вынуть всё, что от янки, останется пустая шкура.

Тут Эйб принялся знакомить приезжего со своим особым искусством:

— Стивен Наклз, бывало, говорил: «Благодать Божья объемлет острова морские и самые дальние пределы земли. Объемлет и эскимосов, и готтентотов. Некоторые заходят так далеко, что уверяют, будто она объемлет даже янки, но я так далеко не захожу».

Самсон присоединился к добродушному смеху.

— Свяжешься с иными янки — голову на плаху кладёшь, — сказал он. — Они умеют служить и Богу, и мамоне. Думаю, и дьяволу кое-какие лучшие мысли подсказали. Уж больно много он в последнее время перенял янкиных выдумок.

— В Кентукки против янки было сильное предубеждение, — продолжал Эйб. — У нас рассказывали про одного янки: продал свиней и погнал в город. По дороге решил, что продешевил. Оставил свиней с погонщиком на дороге, сам пошёл вперёд и говорит покупателю: мол, понадобится помощь, чтобы пригнать их.

«Как так?» — спрашивает покупатель.

«Да они всё вырываются, бегают по лесам да по полям, а мы за ними не поспеваем».

«Такие свиньи мне, пожалуй, не нужны, — отвечает покупатель. — На быстроногой свинье много сала не бывает. Дам тебе два с половиной доллара, только от сделки освободи».

— Выходит, у этого янки была ещё одна свинья, которую он в счёт не взял, — заметил Самсон.

— Вспомнился мне человек из округа Поуп: вырастил самого большого борова в Иллинойсе, — продолжал Эйб. — Знаменитый был зверь, со всей округи на него смотреть приходили. Однажды приезжает человек, просит показать борова.

«Теперь мы за это четвертак берём», — говорит хозяин.

Человек заплатил и полез обратно в повозку.

«Разве смотреть не будете?» — спрашивает фермер.

«Нет, — отвечает приезжий. — Самого большого борова в Иллинойсе я уже увидел. На того, что поменьше, смотреть незачем».

— С какими бы предубеждениями вы здесь ни встретились, они скоро исчезнут, — сказал Келсо, повернувшись к Самсону. — Я глубоко уважаю крепких сынов Новой Англии. Кажется, Теодор Паркер говорил, что символ их характера — сосна. И он прав. Её корни глубоко уходят в землю, она высится над лесом; в её стволе — сила высоких мачт и строительный материал, в колышущихся ветвях — музыка, в жилах — скипидар. Я вспомнил об этом, когда увидел Уэбстера и услышал его речь в Плимуте.

— А какой он с виду? — спросил Эйб.

— Большой, прямой, великолепный мужчина. Шёл, словно баран во главе стада. Когда он заговорил, я вспомнил блестящую строку Гомера из «Одиссеи»: «Когда же мощный голос вырывался из груди его и слова падали, словно зимние снега, тогда ни один смертный не мог соперничать с Одиссеем».

После своего рассказа Эйб сидел с печальным лицом и смотрел в огонь. Теперь он подался вперёд, упёрся локтями в колени и заинтересованно покачал головой; серые глаза оживились. В дневнике часто упоминается «пелена печали» на его лице.

— Он очень великий человек, — воскликнул Эйб.

— Выучил ты последний благородный взлёт его ответа Хейну, как обещал? — спросил Келсо.

— Выучил, — ответил Эйб. — На днях шёл от Боулина Грина, встретил стадо, остановился и прочёл им. Все перестали траву жевать, стоят, смотрят. Наконец бык решил, что больше терпеть не может, и заревел мне в ответ.

— Прекрасно! Теперь встань и покажи нам, как ты подражаешь великому вождю вигского племени, — сказал Келсо.

Долговязый, неловкий юноша поднялся и начал произносить выученные строки высоким, дрожащим от волнения голосом. Но голос становился ниже, крепче и зазвучал благородной музыкой трубы в руках искусного музыканта, когда русло его души наполнилось могучим потоком ораторской страсти. Теперь слова и впрямь падали с его губ, «словно зимние снега».

«Они потрясали наши сердца, как ветер трясёт ветви деревьев, — пишет Самсон в дневнике. — Худое, костлявое тело юноши преобразилось, и, глядя на его лицо при свете огня, я подумал, что оно красиво.

Когда он сел, целую минуту никто не проронил ни слова. Я впервые увидел Линкольна. Увидел его душу. Думаю, именно тогда я начал понимать, что среди нас формируется человек, который будет дороже чистого золота, дороже золота Офирского».

Доктор молча смотрел на юношу. Келсо сидел, засунув обе руки в карманы и опустив подбородок на грудь, и серьёзно глядел в огонь.

— Спасибо, Эйб, — негромко произнёс он. — Произошло нечто необыкновенное, и я немного напуган.

— Отчего? — спросил Эйб.

— Боюсь, как бы кто-нибудь не испортил всё очередной историей про свиней. Мне и самому страшновато что-либо говорить. Осмелюсь только заметить: этот человек, Уэбстер, — пророк. В плимутской речи он слышит, как лязг цепей и весь ужасный грохот рабства уходят всё дальше, туда, откуда уже никогда не вернутся. Так и будет.

— Вы думаете? — спросил Эйб.

— Непременно. Слишком многие из нас ненавидят рабство. Эти янки его ненавидят, а они и их дети расселяются по всему срединному краю. Их дух поведёт Запад. Любовь к свободе — соль их крови и мозг их костей. Свобода означает свободу для всех. Подождите, пока вырастут младенцы, которых сюда привозят целыми повозками. Рабству придётся с ними считаться.

— Я его тоже ненавижу, — сказал Эйб. — Вниз по Миссисипи я видел, как мужчин и женщин продают словно волов. Если буду жив, когда-нибудь этому делу голову проломлю.

— Ты всё ещё хочешь стать адвокатом? — спросил Келсо.

— Да, хотя иногда думаю, не лучше ли из меня кузнец выйдет, — ответил Эйб.

— По-моему, молотом доводов ты управишься лучше.

— Было бы образование, наверное, так и вышло бы. Всё пытаюсь решить, что для меня лучше.

— Нет, ты пытаешься решить, что лучше для твоих друзей, для страны и для торжества закона, справедливости и свободы.

— Но я думаю, что всякий человек действует из корыстных побуждений, — настаивал Эйб.

Доктор Аллен возразил:

— Недавно вечером ты случайно вспомнил, что взял с миссис Питерс лишнее за кувшин патоки, и, закрыв лавку, прошёл три мили, чтобы вернуть принадлежащие ей деньги. Зачем ты это сделал?

— Из корыстного побуждения, — ответил Эйб. — Я считаю, что честность — лучшая политика.

— Значит, ты проделал долгий путь лишь затем, чтобы разрекламировать свою честность? Чтобы люди стали называть тебя Честным Эйбом, как уже начали называть?

— Я бы не хотел так это представлять, — сказал Эйб.

— Но другого выхода нет, — настаивал доктор. — А мы, посвящённые, должны будем называть тебя Корыстным Эйбом.

— Есть скрытый Эйб, с которым ты ещё не знаком, — вмешался Келсо. — Сегодня вечером все мы мельком его увидели. Это тот Эйб, который любит честь, справедливость, человечество и великий храм свободы, воздвигаемый ими здесь, в Новом Свете. Он любит всё это больше славы, богатства и самой жизни. Мне кажется, только что это его голос звучал, словно труба, и именно он отправил тебя с деньгами к миссис Питерс. Нам легче познакомиться с ним, чем тебе. Когда-нибудь вы двое встретитесь.

— Не знаю, как отвечать на это обвинение, — сказал Эйб. — Оно кажется таким серьёзным, что придётся посоветоваться с защитником.

Тут в дверь громко постучали. Келсо открыл её и сказал:

— Здравствуй, Илай! Заходи.

На пороге стоял заросший бородой кривоногий человек, согнувшийся под огромным тюком, отчасти прикрытым матрасной тканью.

— Здравствуйте, мистер Келсо, — ответил бородач. — Бедный странствующий еврей опять вернулся, а? Думаю, прежде чем войти, надо снять горб со спины.

Пошатываясь под грузом, он опустил его на землю.

— Втаскивай своего троянского коня, только смотри не выпускай из него двадцать четыре воина до утра. Сейчас дам тебе хлеба с молоком. Господа, это мой друг Илай, странствующий первопроходец торговли.

— У меня удивительный товар, удивительный, удивительный! — сказал Илай, размахивая обеими руками. — Шёлк и атлас! Ни цветы прерий, ни птицы небесные не покажут вам таких красок. Вы влюбитесь. Если я вам их не продам, у вас сердца разорвутся. А ещё у меня тут один инструмент, который всякую музыку играет.

— Сперва поешь, потом открывай троянского коня, — сказал Келсо.

— Сначала я должен показать товар, — настаивал Илай. — Спорим, вы всё заберёте, всё, что у меня в тюке, заплатите мою цену и ещё поблагодарите: «Илай, чего бы ты выпил?»

— Ставлю полдоллара, что не заберу, — ответил Келсо.

— Вы мой друг, я не стану так легко отнимать ваши деньги. Нет! Это было бы нехорошо. Господа, это шотландский товар, такой редкий, такой красивый — другого на свете нет.

Он принялся развязывать тюк, и все окружили его.

— Господа, смотреть можно, покупать нельзя. Этот товар только для моего друга, — бойко продолжал он, снимая покрывало.

Вдруг под ним что-то зашевелилось. Ко всеобщему изумлению прелестная девушка откинула матрасную ткань и выпрыгнула из большой плетёной корзины, которую та скрывала. С весёлым смехом она обвила руками шею Джека Келсо и поцеловала его.

Мужчины захлопали в ладоши и шумно развеселились.

— Узнаёте Бим? — сказал доктор.

— Как есть она! — воскликнул Эйб.

— Я остановился у Дэвида Барни, а она вытащила мой товар и устроила для вас вот такую распродажу, — смеясь, сказал Илай.

— Настоящий сюрприз! — воскликнула девушка.

Она была невысокой, лет без малого шестнадцати, с румяными щеками, ореховыми глазами и светлыми кудрями, падавшими на плечи.

— Мистер Трейлор, это моя дочь Бим, — сказал Келсо. — Она искусница по части неожиданностей.

— Должно быть, услышала о красивом мальчике на постоялом дворе и поспешила домой, — заметил доктор.

— Энн Ратледж говорит, он очень хорошенький, — засмеялась девушка, отбрасывая кудри.

Она повернулась к Самсону Трейлору и с надеждой спросила:

— Как вы думаете, он станет со мной играть?

Глава IV

В которой появляются новые обитатели бревенчатых хижин, начинаются работы по устройству нового дома и обнаруживается кое-что из того, что Эйб умеет и чего не умеет.

На следующее утро с рассветом два отряда отправились в лес заготавливать брёвна для дома новосёлов. В одном шёл Гарри Нидлз с двумя топорами и полным ведёрком еды, Самсон с пилой в руке и мальчиком Джо на спине и Эйб с пилой, топором, маленьким кувшином корневого пива и книгой, завязанной в большой красный платок, который висел у него на шее. В лесу Эйб срезал для малыша жердину, отнёс его на плече к ручью и сказал:

— Теперь сиди здесь и поддерживай порядок в этом маленьком лягушачьем городе. Услышишь, как лягушка скажет что-нибудь неприличное, — дай ей по шее. Никаких безобразий не допускай. Назначаем тебя мэром Лягушачьего города.

Мужчины взялись за топоры и пилы, а Гарри обрубал сучья и присматривал за мэром. Могучие мышцы вонзали острые топоры в древесину и вгрызались в неё пилой. К полудню, когда остановились перекусить, пало немало больших деревьев. За едой Эйб сказал:

— Думаю, после обеда хорошо бы напилить досок. Для дверей понадобятся. Подтащим пару брёвен на склон вон того бугра, положим на козлы да распустим продольной пилой.

Самсон ухватил одно из брёвен посередине и приподнял над землёй.

— Пожалуй, мы их и донесём, — сказал он.

— На плечо поднять сможешь? — спросил Эйб.

— Запросто, — ответил Самсон.

Приподняв один конец бревна, он подлез под него, принял тяжесть на спину, быстро подставил плечо ближе к середине, оторвал бревно от земли и понёс к склону. Там он сбросил его с таким гулким ударом, что задрожала почва. Эйб перестал есть и следил за каждым движением этого необыкновенного упражнения. Лёгкость, с какой великан-вермонтец заставил неповоротливую махину пренебречь законом тяготения, поразила его.

— В этой штуке фунтов семьсот, а то и восемьсот, — сказал он. — Думаю, вы самый сильный человек в этой части штата. А ведь и я не из слабых. Поднимал бочку виски и подносил шпунтовое отверстие ко рту. Только пить я его не пью.

Он снова сел, взялся за пончик и добавил:

— Послушайте, если когда-нибудь захотите кого ударить, возьмите кувалду или лом. Кулаком бить будет непорядочно.

— Не разговаривай с набитым ртом, — сказал Джо, который, по-видимому, почувствовал себя ответственным за манеры Эйба.

— Пожалуй, ты прав, — засмеялся Эйб. — Нечего человеческие мысли с сыром и пончиками смешивать.

— Люблю иной раз свою силу попробовать, — сказал Самсон. — Приятно. Не для того, чтобы похвастаться. Знаю, есть немало людей сильнее меня. Думаю, и вы из их числа.

— Нет, я слишком растянут, шея от земли далеко, — ответил Эйб. — Я вроде лома. Если сумею большой палец ноги или пальцы руки под что-нибудь подсунуть, тогда ещё могу поддеть.

После еды он снял башмаки и носки.

— Когда работа тяжёлая, в полдень я всегда стараюсь ногам дать отдых, а голове немного дела, — заметил он. — Моя голова так отстала от всей процессии, что приходится всё время подгонять. Дайте мне двадцать минут на Киркхэма, и я опять с вами.

Он лёг на спину под деревом с книгой в руке, а ноги высоко задрал, уперев в ствол. Вскоре уже поднялся и снова принялся за работу.

У бревна, которое принёс Самсон, с двух противоположных сторон стесали плоскости, сняли кору и подняли нижний конец на поперечину. Потом отбили шнуром прямую линию

и продольной пилой стали распускать его на дюймовые доски. Эйб стоял сверху, Самсон — внизу. Вдруг пила замерла. Чистый, прекрасный голос наполнил лесную ложбину мелодией «Милого соловья». Работа остановилась, лес зазвенел. Мужчины стояли безмолвно, словно слушали благословение. Песня смолкла. Ещё несколько мгновений они прислушивались. Казалось, мимо пронёсся дух и коснулся каждого.

— Это Бим, маленькая плутовка, — нежно сказал Эйб. — Где-то здесь, в лесу, прячется.

Он выпрямился и стал всматриваться в кусты. Пение прекратилось.

— Я твои кудри вижу! Выходи из-за дерева, шотландский товар! — крикнул Эйб.

В ответ стояла тишина.

— Ну же, выходи, — не отступал он. — Тут красивый мальчик, я хочу вас познакомить.

— Пусть попробует меня найти, — донёсся издалека голос девушки.

Эйб поманил Гарри и указал дерево, за которым видел Бим. Гарри осторожно подкрался к нему, но её там уже не было. Он огляделся, однако не заметил её. Вскоре из дальней части леса донёсся тихий зов, напоминавший трубы эльфов. Он повторился ещё три или четыре раза — всё тише и дальше. В тот день они больше её не видели и не слышали.

— Чудная девочка. Красивая, как пятнистый оленёнок, и такая же дикая, — сказал Эйб. — Вроде близкой родни рисового трупиала.

Когда после работы собрались идти домой, Джо вдруг страшно заторопился к матери. Ему казалось, он не видел её целую вечность, и это убеждение выразилось в громких слезах.

Эйб опустился перед ним на колени, утешил, потом закутал в свою куртку, подбросил в воздух и двинулся домой, посадив Джо себе на шею.

«То, как ласково он играл с малышом, позволило мне ещё раз увидеть человека Линкольна», — пишет Самсон в дневнике.

— Кто-то однажды предложил назвать этот ручей Миннегагой, — сказал Эйб по дороге. — А теперь мы с Джо будем звать его Миннеплакса.

Женщины посёлка ещё в десять утра собрались у миссис Мартин Уодделл вместе стегать одеяло. Здесь Сара заняла место у рамы и услышала все новости округи. Рядом сидела ловкая рукодельница Энн Ратледж, дочь хозяев постоялого двора. Энн была стройной, хорошенькой семнадцатилетней девушкой с голубыми глазами, густой копной рыжевато-каштановых волос и светлой, хорошо загоревшей кожей. Никто в Нью-Салеме не владел иглой искуснее её. Разговор, так сказать, пустила в ход миссис Питер Лукинс — очень худая рыжеволосая женщина с одним глазом, от которого, однако, не ускользала ни одна брачная перспектива.

— Энн, если Честный Эйб тебя заполучит, первые три месяца придётся ему штаны шить. Шитья на целую милю.

— А всю остальную жизнь, думаю, придётся пуговицы к ним пришивать, — сказала миссис Джон Кэмерон.

— Эйбу я не нужна, и мне Эйб не нужен. Так что штаны ему будет шить какая-нибудь другая девушка, — ответила Энн.

— Господи, до чего же он невзрачный! — сказала миссис Александер Фергюсон.

— Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот, кто делом гож, — заметила миссис Мартин Уодделл. — Я не знаю никого, кто поступал бы красивее.

— По мне, хорош тот, на кого приятно смотреть, — продолжала миссис Лукинс, мечтательно глядя единственным глазом.

— Люблю мужчину, которого не стыдно разглядеть: бойкого, ладного, подтянутого, словно олень, — призналась миссис Фергюсон.

— Оглянуться не успеешь, как этот бойкий уже сбежал, — сказала миссис Сэмюэл Хилл. — А тебе остаётся разглядывать кучу детей да пустую хлебницу.

— Погодите, вот Эйб свою старую шкуру сбросит да немного нальётся. Может, ещё и красавцем станет, я бы не удивилась, — стояла на своём миссис Уодделл.

— Думаю, если Эйб будет жив, он станет великим человеком, — сказала жена доктора Аллена. — Я забыла, как он выглядит, когда на днях слушала его в школе на диспуте о порке матросов девятихвостой плетью. У него удивительный дар. На месте Энн я бы гордилась его дружбой и тем, что хожу с ним на вечера.

— Я и горжусь, — тихо сказала Энн, не отрывая глаз от работы. — И мне тоже очень нравится его слушать.

— Ох, боже милостивый! Компания он хорошая, если одними ушами пользоваться, — заметила миссис Фергюсон. — Миссис Трейлор, а вы где своего мужа нашли?

— В Вердженсе. Мы родились по соседству и вместе выросли, — ответила Сара.

— Вот это мужчина! Крепок, как бизон, а с виду, я бы сказала, прямо-таки первостатейный великолепец.

Миссис Лукинс высказала это мнение торжественно, слегка кашлянув. Последнее её выражение означало всего лишь некую неопределённую глубину смысла. Затем, словно приподнимая завесу прошлого, она прибавила:

— Спорю, уж он-то долго не канителился, как решил. Небось отчаянный был смельчак.

— Какой красивый узор! — сказала Сара, внезапно меняя направление разговора.

Но миссис Лукинс не так легко было изгнать с полей блаженства, и она тотчас рассказала историю собственного сватовства.

Подали обильный обед: тушёную оленину, пирог с курицей, чай и пирог с глазурью. Все помогали накрывать и убирать со стола. За едой Сара рассказала о долгом путешествии и о том, как их мучила перемежающаяся лихорадка.

— Это самое неприятное в дороге на Запад, но на самом деле не очень опасно, — сказала жена доктора Аллена.

— Три утра подряд до восхода солнца по девять пригоршней воды из хорошего родника, да крепкий кофе с лимонным соком — и лихорадку как рукой снимет, — объявила миссис Лукинс. — Моя бабушка говорила: лучше всяких докторов. Я пробовала, знаю, на что это годится.

— Полагаю, если пригоршней будет десять, уже не поможет? — сказала Сара и засмеялась.

К ней присоединились миссис Аллен и ещё несколько женщин.

Миссис Лукинс обиделась.

— Когда я лечусь, всегда соблюдаю предписания, — сказала она.

Так у них и прошёл день. Вскоре после того, как зажгли свечи, с шумом ворвался Джо, забрался на спинку материнского стула, поцеловал Сару и, захлёбываясь от нетерпения, стал рассказывать о прожитом дне.

На этом посиделки закончились. Сара, миссис Ратледж и Энн вышли к поджидавшим их Самсону, Эйбу и Гарри Нидлзу и вместе с ними отправились на постоялый двор.

В тот вечер дилижансом приехал Джон Макнил — тот самый, с которым Трейлоры познакомились возле Ниагарского водопада и делили стоянку. В новом костюме орехового цвета и чистом белье он был очень хорош собой. Самсон пишет, что он напоминал портреты Роберта Эммета. Прекрасные тёмные глаза, гладкая кожа, правильные черты, аккуратно причёсанные чёрные волосы на красиво посаженной голове — он совсем не походил на неотёсанного Эйба. Тихо и очень скромно, с лёгким ирландским выговором, он рассказывал о приключениях на долгой прибрежной дороге в Мичиган. Энн слушала, не сводя глаз с его лица. Вскоре после восьми пришёл Эйб, и его представили приезжему. Когда молодые люди поздоровались, все заметили, насколько они различны. Эйб сел, несколько минут печально смотрел в огонь, не говоря ни слова, потом поднялся, извинился и ушёл.

Вскоре за ним отправился Самсон. В лавке Оффута Эйба не оказалось, зато Билл Берри в сарае, примыкавшем к задней стене, разливал спиртное из бочки на подставках и потче-

вал нескольких развеселившихся молодых ирландцев. Рубаха его была грязной; вьюнки на ней поблекли словно в пыльных сумерках. Молодые люди позвали Самсона выпить с ними.

— Нет, благодарю. Никогда не прикасаюсь, — сказал он.

— Придём сюда как-нибудь и научим тебя веселиться, — сказал один.

— В этом деле я и сам неплохо разбираюсь, — ответил Самсон.

Пожалуй, они принялись бы за его обучение немедленно, но, выйдя в лавку и увидев при свечах огромного вермонтца, на мгновение перестали смеяться. Среди них был и Билл с полной бутылкой в руке.

Все уселись в поджидавшую у дверей повозку и уехали под дикий индейский клич одного из молодых людей.

Самсон сел при свете свечи, и через минуту появился Эйб.

— До чего же мне это дело опротивело, — сказал он.

— Полагаю, не нравится та его часть, где виски, — заметил Самсон, ощупывая кусок ткани.

— Ненавижу её, — продолжал Эйб. — Теперь она уже не кажется мне почтенным занятием.

— У нас в Вермонте торговлю виски не жалуют.

— И правильно. От него бесовство и беспорядок. Я с детства был окружён виски. Все его пили. Бутылка или кувшин спиртного считались таким же законным товаром, как фунт чая или ярд ситца. Я всегда так и думал. А в последнее время начинаю смотреть на виски по-янкински. В дурной компании оно способно дьявола на волю выпустить.

Вскоре после девяти Эйб вытащил из-под прилавка матрас, набитый кукурузной шелухой, убрал рулоны ткани, уложил матрас на их место и накрыл одеялом.

— Вот моя постель, — сказал он. — В пять утра встану. Вскипячу у очага чай, запью сушёное мясо и кусок хлеба. В шесть или немного позже буду снова готов идти с вами. Завтра за лавкой присмотрит Джек Келсо.

Он засмеялся.

— Знаете, когда я вышел с постоялого двора, эта маленькая плутовка стояла у окна и подглядывала — Бим, дочка Джека. Я спросил, почему не заходит, а она говорит: страшно. «Кого боишься?» — спрашиваю. «Да, пожалуй, того мальчика», — отвечает. И честное слово, у неё рука дрожала, когда она взяла меня под локоть и пошла со мной к отцу.

Расстилая второе одеяло, Эйб тихонько хихикнул.

— Вот озорница! Думаю, повеселимся мы, глядя на этих двоих.

Через два дня после начала рубки брёвна были заготовлены. Мартин Уодделл и Сэмюэл Хилл прислали упряжки для перевозки. Джон Кэмерон и Питер Лукинс привезли из Бирдстауна на небольшой плоскодонке оконные переплёты и доски для обшивки. Наступил день возведения сруба — ясный, тёплый день в начале сентября. Все мужчины из посёлка и с ближних ферм собрались, чтобы помочь новосёлам обзавестись домом. Закончив рубку, Самсон и Джек Келсо сходили на охоту и добыли жирного оленя и много тетеревов для общего обеда. Каждая женщина в округе внесла свою долю: пирог, кекс, печенье или пончики.

— А что с меня? — спросил Самсон у Келсо.

— Только кувшин виски, доброе слово и новоселье, — ответил тот.

В брёвнах вырубали пазы, сверлили отверстия, делали нагели для скрепления; подрезали брёвна, окружавшие очаг и оконные проёмы. Сильные, охочие до работы, умелые руки обтёсывали и пригоняли их друг к другу. Александер Фергюсон обложил очаг необычным раствором: в глину для связки он подмешивал траву. Из этой смеси он скатывал валики, называемые «кошками», каждый восемь дюймов длиной и три толщиной. Их укладывал вдоль брёвен и удерживал плетёнкой из прутьев. Первый, слабый огонь обжёг глину, превратив её в твёрдый, словно каменный, защитный слой внутри деревянных стен, а прутья затем сгорели. Женщины

приготовили мясо на открытом огне и накрыли обед на столе из грубых досок, положенных на жерди, опиравшиеся на развилки. В полдень одна из них протрубила в морскую раковину. Мужчины с радостными криками поспешили к костру; на минуту вокруг умывальных тазов поднялся шум и плеск. Прежде чем сесть за еду, каждый, кроме Эйба и Самсона, «приложился к кувшину — кто надолго, кто ненадолго», как тогда выражались.

Весёлая компания расселась с полными тарелками на траве вокруг стола. Приправой к еде служили шутки и громкий смех. Сару несколько смущала непринуждённая прямота их застольных приёмов: ни ножи, ни вилки, ни салфетки в этом деле не требовались.

Поев, перемыв и убрав посуду, женщины в два часа отправились домой. Ещё до их ухода Самсон услышал вдали гром копыт. Взглянув туда, он увидел на дороге пыльное облако и отряд всадников, мчавшихся во весь опор. Эйб подошёл к нему и сказал:

— Вижу, едут ребята из Клэри-Гроув. Если начнут буянить, предоставьте их мне. Это моя забота. Не удивлюсь, если у них с собой виски Оффута.

Парни примчались в туче пыли, оглашая воздух индейскими воплями, спешились и стреножили коней. К работникам они подошли во главе с дюжим Джеком Армстронгом — крепким, широкоплечим кузнецом лет двадцати двух с жёстким лицом, чьё имя вошло в историю. Они уже немного выпили, но ни один ещё не пошатывался. Недолго и вполне добродушно потеснившись у кувшина, они получили от Эйба и миссис Уодделл лучшие остатки обеда. Вели они себя шумно. Вскоре забрались на крышу помогать со стропилами и обшивкой. Несколько минут работали исправно, затем вдруг гурьбой полезли вниз — снова приложиться к кувшину. Они приехали погулять, и Эйб это знал; знал и то, что допустимую меру они уже исчерпали.

— Ребята, здесь дамы, надо поосторожнее, — сказал он. — Я вам не рассказывал, что дядюшка Джерри Холман говорил о своём бычке? Говорил, что тот так преуспел в сосании, что семье молока не оставлял: телёнок жиреет, дети худеют. По-моему, вы пока достаточно откормились. Давайте поработаем до четырёх, потом прервёмся и подкрепимся.

Молодые гуляки собрались кучкой и зашептались. Самсон пишет, что тогда стало ясно: они затевают недоброе.

«Детей мы оставили у Ратледжей, под присмотром Энн. Я подошёл к Саре и сказал, что ей лучше пойти посмотреть, всё ли у них ладно.

— Ты только не дерись, — сказала она, а это показывает, что женщины понимали, чем пахнет.

Сара пошла первой, остальные — за ней».

Эти здоровенные мускулистые парни из Клэри-Гроув, развеселившись, всегда искали, к кому бы прицепиться и кого превратить в игрушку. Без жертвы их гулянки не обходились. Немало бедняг ради забавы запирали в бочках и катили под гору или окунали в воду чуть не до смерти. Теперь представился случай разозлиться, и они собирались им воспользоваться сполна. Началось недовольное ворчание. Одни подзуживали своего вожака Джека Армстронга подраться с Эйбом. Кто-то сбегал к коню и принёс из седельной сумки бутылку. Она пошла по кругу. Армстронгу досталась ещё больше чем половина; он допил её и высоко подбросил в воздух. Другой обозвал его свиньёй и обхватил поперёк туловища. Завязалась яростная, но короткая схватка. Армстронг стиснул противнику шею и душил, пока тот не разжал рук. Однако могучему забияке из Клэри-Гроув этого было мало. Он схватил приятеля и так грубо швырнул на землю, что тот на мгновение остался лежать оглушённым. Кровь у Армстронга разгорелась, теперь он был готов действовать. С диким воплем он скинул верхнюю одежду, расстегнул правый рукав рубахи, закатал до плеча и, размахивая рукой, громогласно объявил, что любого в Нью-Салеме «перепрыгает, перескачет, перегонит, на землю свалит, выволочет и отколотит».

В письме к отцу Самсон рассказывает:

«Эйб работал рядом со мной. Я увидел, как он бросил молоток, встал и направился к лестнице. Понял, что сейчас что-то будет, и пошёл следом. Через минуту все уже слезли с

крыши и вышли из дома. Наверное, догадались, к чему идёт. Здоровый малый стоял, размахивал рукой и орал как индеец. Рука большая, мускулы и жилы видны, но, думаю, закатай я ситцевый рукав да покажи свою, он бы свой опустил. Сила в его руке, пожалуй, была вроде мулового ляганья, только, господи помилуй, повидай он столько рук, выросших на топорище из гикори, сколько мы с тобой, знал бы: хвастаться нечем. Я ещё не представлял, на что способен Эйб, и на минуту испугался за него. Никогда ещё ничего не делать не было такой тяжёлой работой. Честное слово, руки прямо ныли. Хотелось подойти, надавать этому парню по ушам, схватить и перебросить через конёк крыши. Эйб подошёл к нему вплотную и сказал:

— Джек, ты и вполовину не так плох и не так силён, как тебе кажется. Говоришь, любого здесь свалишь. Пожалуй, придётся показать тебе, что ошибаешься. Давай поборемся. Мы друзья, не будем говорить, будто собираемся друг друга колотить. Поборемся по-дружески.

Через секунду они уже сцепились. Армстронг с криком бросился на Эйба. В том, как он схватил противника, ничего дружеского не было. Собирался как можно сильнее покалечить, любым способом. Едва схватились, он попытался боднуть Эйба головой и ударить коленом в живот. Полупьяный Джек из тех, кто и ухо откусит. Это была не борьба, а драка. Эйб двигался как молния. Гибкий, проворный, словно смазанный маслом. В один миг огромной правой рукой стиснул парню шею, а левой ухватил за штаны на бедре. Отстранил его и принялся трясти, как наша собака трясёт сурка. Кровь у Эйба вскипела. Думаю, навались на него вся орава, и тогда справился бы: когда он разозлится, в нём появляется что-то сверх костей и мышц. Наверное, то самое, что я чувствую, когда он читает речь. Какая-то молния. Пожалуй, наш священник называл это силой духа. Потом Эйб сказал мне: ему казалось, будто он дерётся за мир и честь Нью-Салема.

Приятель забияки выскочил вперёд, попробовал подставить Эйбу ногу. Рядом со мной стоял Гарри Нидлз. Прежде чем я успел пошевелиться, он рванулся и ударил того прямо посреди лба — уложил навзничь. Это был Бэп Макнолл, любитель петушиных боёв. Тут и я к котлу подступил, снял пену. Одному из этих чертей так врезал ребром ладони, что кожу со щеки содрал и покатил его кубарем. Снова смотрю — Армстронг обмяк. Рот открыт, язык наружу. Эйб взял его одной рукой за правую ногу, другой за загривок, поднял на вытянутых руках и подбросил. Армстронг упал футах в десяти от него и с минуту лежал. Вся охота драться пропала: оглушён, мутит. Эйб стоял великаном, лицо ужасно серьёзное.

— Ребята, если ещё кому неприятностей хочется, могу от того же куска отрезать, — сказал он.

Они повесили головы. Ни один не шелохнулся, ни слова не вымолвил. Эйб подошёл к Армстронгу, помог подняться.

— Джек, жаль, что пришлось сделать тебе больно. Садись на коня и езжай домой.

— Эйб, ты меня сильнее, — сказал забияка, протягивая руку. — Всё сделаю, как скажешь».

Так шайка из Клэри-Гроув была побеждена. Неприятности от неё ещё случались, но больше она не угрожала самим основам закона и порядка в маленькой общине Нью-Салема. Уезжая, Бэп Макнолл обернулся к Гарри Нидлзу и крикнул:

— Я ещё с тобой расквитаюсь, тощий ты собачий сын!

Сказал он не совсем так, но достаточно близко.

Глава V

В которой характер Бим Келсо ярко проявляется в необычном приключении, вплетающем первую нить в долгую историю любви.

В тот день сруб был поставлен. Нижний пол из расколотых брёвен настелили, верхний предстояло уложить, когда будут готовы доски. Ещё надо было изготовить и навесить две двери, пригнать и закрепить пять окон, промазать щели в стенах глиняным раствором. Вечером, когда остальные разошлись, Самсон и Гарри остались выравнивать нижний пол. После ужина выковали несколько гвоздей и около девяти отправились в лавку Эйба. Двое парней из Клэри-Гроув, задержавшихся в посёлке, сидели в темноте на маленькой веранде; казалось, они спали. У очага разместились доктор Аллен, Джек Келсо, Александер Фергюсон и Мартин Уодделл, а Эйб сидел на прилавке, свесив ноги.

— Этот человек крепок, как дубовый кряж, — говорил Келсо.

— А вот и он сам, — сказал доктор Аллен. — Парню, которому вы врезали, пришлось зайти ко мне в мастерскую на починку.

— Я ведь говорил вам: захотите ударить кого — берите лом, только руками не надо, — заметил Эйб.

— Некогда было мешкать, а лома под рукой не оказалось, — ответил Самсон.

— Напомнило мне генерала, который взял с солдат полка обещание: ругаться будет он один, — начал Эйб. — Однажды сержант намучился с упряжкой мулов. Ливень страшный, а правый мул заупрямился, ни фунта не тянет. Сержант вымок до нитки и выругался песней в четырнадцать куплетов: полполка слышало. Генерал вызвал его, чтобы взыскание наложить.

«Молодой человек, кажется, мы договорились: вся брань на мне», — говорит.

«Так точно, — отвечает сержант. — Только ругаться надо было немедленно. Пошли я за вами, вы бы вовремя не поспели».

Когда отзвучал одобрительный смех, Самсон сказал:

— Жаль, что неприятностей не избежали. Единственное пятно на этом дне. Доброту жителей Нью-Салема я никогда не забуду.

— Общая помощь при постройке дома — явление глубочайшего смысла, — сказал Келсо. — Демократия стремится к всеобщей дружбе: каждый работает на всех, все — на каждого, и любимчиков нет. Каждая община подобна тысяче друзей Фив. Большинство её членов стоят плечом к плечу ради общего блага, ради справедливости, закона и чести. Из всей этой европейской шерсти школы прядут нити демократии. Железные дороги подберут их и соткут в единое великое полотно. Придёт время, и мы увидим десять миллионов друзей Америки, сплотившихся, как когда-то тысяча друзей Фив.

— Великая мысль, — сказал Эйб.

— Никто не способен представить мощь этой фаланги дружбы, воспитанной в одной школе, — продолжал Келсо. — Два года назад «Британская энциклопедия» подсчитала: в 1905 году население Соединённых Штатов составит сто шестьдесят восемь миллионов, а в 1966-м — шестьсот семьдесят два миллиона. Богатство, могущество, наука, литература — всё идёт вслед за просвещением и ростом населения. Причины, некогда перенёсшие скипетр цивилизации с Евфрата в Западную Европу, перенесут его оттуда в Новый Свет.

— Говорят, электричество и развитие паровой машины заставят всех людей мыслить одинаково, — заметил Эйб. — Если так, демократия и свобода распространятся по всей земле.

— Семя всеобщего братства разлетается повсюду, и его уже не уничтожить, — продолжал Келсо. — В прошлом году Мадзини сказал: «На небе одно солнце для всей земли, и один закон для всех её обитателей. Мы здесь, чтобы по-братски утвердить единство человеческого рода, дабы когда-нибудь было одно стадо и один Пастырь».

Линкольн снова заговорил:

— Думаю, мы стоим на пороге величайших лет истории. Какая честь — жить в такое время.

— И быть молодым, — прибавил доктор Аллен.

— Молодым! Какое это Божье благословение! — воскликнул Келсо и процитировал Кольриджа:

Стихи — как ветерок в цветах,
Где пчёлкой грелась мне Надежда.
Всё было с нами! Жизнь в лугах
С Природой, Музой шла, как прежде,
Когда я молод был!

— Эйб, ты выучил «Субботний вечер поселянина»?

— Ещё нет. Тяжёлый боров, трудно удержать. Но скоро ухвачу его за ухо да за заднюю ногу и вытащу из загона. Вот увидите.

— Непременно сделай это. Он будет тебе и помощью, и радостью.

— Старина Киркхэм — строгий учитель, — сказал Эйб. — Только выпадет свободная минутка, уже слышу его звонок. Я почти с ним закончил. Теперь хочу изучать риторику.

— Риторику изучают только школьные учителя, — заявил Келсо. — Настоящий поэт или оратор рождается со всей риторикой, какая ему нужна. Мы должны получать её, как кислород, — незаметно для себя, читая мастеров. Риторика — горячий скакун под лёгким седоком, для упряжи он слишком норовист. Он годился для рыцаря с перьями на шлеме, а не для нынешних времён. Ни один разумный человек не запряжёт гарцующего коня в плуг или в волокушу для камней. Хорошая пахотная лошадь прекрасна. Игра её мышц, мощь её шага — для меня поэзия. Но если она начнёт красоваться, станет смешна. Вот примерно что риторика делает с неразвитым умом. Если есть что сказать или написать, идите прямо через поле, не сводите глаз с борозды. А потом — сев. Как прекрасен сеятель, шагающий по полю в синей рабочей одежде! Какой дивный жест — грациозный, властный! Наденьте на него бобровый цилиндр, суконный костюм, начищенные телячьи сапоги и рубашку с оборками — ничего смешнее не придумаешь!

В последнем дневнике Самсона Генри Трейлора есть такая запись:

«Сегодня я ездил с президентом в Геттисберг и сидел возле него, когда он выступал. Мистер Эверетт обращался к толпе около часа. Как сказал бы Келсо, он гарцевал на скакуне риторики. Мой старый друг пошёл прямо через поле, и его облик и движения напомнили мне образ сеятеля, который давным-давно, однажды вечером в лавке Эйба, нарисовал нам Джек. Сквозь слёзы я видел ведро на его локте и добрые семена, разлетающиеся из огромной руки. Когда он закончил, поле, вспаханное, взборонённое и удобренное войной, было засеяно на все времена. Весенняя работа была сделана, и сделана хорошо».

Без четверти десять доктор поднялся и сказал:

— Лишаем Эйба сна, а ночь истощаем философией. Я иду домой.

— Я зашёл спросить, не найдёте ли вы мне помощника на завтра, — обратился Самсон к Эйбу. — Гарри один пойдёт промазывать щели. А мне нужен человек на продольную пилу: буду пилить доски для верхнего пола.

— Сам помогу, — предложил Эйб. — Думаю, завтра закрою лавку, если только Джек не согласится за ней присмотреть.

— Рассчитывайте на меня, — сказал Джек. — Я и так недосыпаю, денёк отдыха пойдёт на пользу.

Эйб проводил друзей до двери. За нею сидели двое парней из Клэри-Гроув, словно крепко спали. Однако вполне вероятно, что они слышали, о чём Самсон говорил с Эйбом.

— Вот уж не знал, что эти дикие индюки здесь на насест уселись, — засмеялся Эйб.

Он разбудил их и сказал:

— Ребята, вы пытаетесь день слишком коротко отпилить. Он ещё должен до Клэри-Гроув дотянуться. Лучше отведите коней домой да покормите.

Парни встали, зевнули, потянулись, сели на лошадей, привязанных к перекладине, и уехали в темноту.

На следующее утро вскоре после рассвета Эйб и Самсон отправились в лес.

— Нравится мне этот мальчик Гарри, — сказал Эйб. — Думаю, из хорошего материала сделан. Как он Бэпу Макноллу врезал — загляденье. Люблю, когда человек сам, без приглашения, выходит на схватку ровно в нужную минуту, как он.

— Вы видели, как он бросился вперёд? — спросил Самсон.

— Я каким-то образом всё видел. Видел, как вы Джону Кэллихану ухо расшатали. Это меня порадовало. Но вчера я чувствовал — честное слово, — будто всю ораву разом одолею. Этот Гарри — славный молодой жеребёнок: крепкий, гибкий, ладно сложенный, лоб широкий.

— И ласковый, как котёнок, — добавил Самсон. — Ни у одного мальчика не было лица лучше и сердца добрее за ним. Мы его любим.

— Да, сэр. Хорошо разросшееся молодое дерево: прямое, здоровое, древесина отличная. Похоже, маленькая дочка Джека сильно им увлеклась. Не удивляюсь. Таких ребят, как Гарри, здесь мало.

— А что она за девушка? — спросил Самсон.

— Ужасно робкой стала, с тех пор как стрела её задела. Пока не понимает, что это значит. Думаю, привыкнет. Хорошая девушка, а умом остра, как стальной капкан. Отец берёт её на равнины охотиться. С ружьём управляется не хуже любого, а верхом ездит, будто к лошадиной спине приросла. Все Бим любят, но держится она по-своему, а иногда уж очень по-новому.

Гарри Нидлз шёл, насвистывая, по дороге к новому дому с серпом, мотыгой и мастерком. Проходя мимо хижины Келсо, он засвистел «Милого соловья»: с тех пор как услышал эту мелодию в лесу, она не выходила у него из головы. Свистел изо всех сил и поглядывал на окна. Прежде чем он успел миновать дом, в окне показалось улыбающееся лицо Бим, за стёклами мелькнула её рука. Он помахал в ответ. Сердце его быстро билось, пока он торопился дальше.

«Не такой уж я маленький, — говорил он себе. — Зачем только старую одежду надел? Миссис Трейлор прекрасная женщина, но непременно хочет сделать меня похожим на пахотную лошадь. Не понимаю, почему нельзя было позволить мне одеться прилично».

Саре нравилось заботиться о юноше по-матерински. Здоровье к нему вернулось. Щёки зарумянились, тёмные глаза стали ясными и блестящими, высокая фигура — прямой и крепкой. К тому же ласковая забота новых друзей и увлечение девушкой наполняли его сердце счастьем — тем дождём юности, без которого она превращается в бесплодную пустыню.

Он помогал Александеру Фергюсону складывать очаг и знал, как замешивать раствор. Работал охотно: сердце его было в новом доме. Стояло прекрасное сентябрьское утро. В тёплом солнечном свете кричали луговые тетерева. Дальние просторы великой травянистой равнины подёрнулись дымкой. Безбрежная цветущая глушь колыхалась и шелестела на ветру, словно океан. Как долго эти акры, засеянные небесными ветрами, ждали пахаря, который наконец пришёл!

Гарри чувствовал красоту открывшегося вида, но, работая и замышляя собственный дом — не хижину, а особняк, как у судьи Харпера в городке возле его прежнего жилья, — ещё яснее видел лицо Бим Келсо и любовался им ещё больше. Он уже заделал все щели в задней стене и взялся за переднюю, когда услышал гром скачущих коней и снова увидел фигуры, летевшие по дороге сквозь пыльное облако. Вспомнилась угроза Бэпа Макнолла. Если эти головорезы едут мстить, ему одному придётся туго. Он шагнул в дверной проём и на мгновение замер, решая, что лучше предпринять. Подумал о роще в нескольких десятках шагов от задней двери: можно добежать и спрятаться. Но бежать было нестерпимо. Бим и все остальные узнают. Поэтому он

остался внутри, с серпом в правой руке, и ждал, надеясь, что всадники не остановятся. Они подъехали к самой двери, молча спешились и стреножили коней. Их было пятеро. Во главе с Макноллом они втиснулись в хижину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.